

Кипарисов В. Ф. Митрополит Московский Макарий (Булгаков), как проповедник // Богословский вестник 1893. Т. 3. № 8. С. 177–229 (2-я пагин.). (Окончание.)

Митрополитъ Московскій Макарій (Булгаковъ) какъ проповѣдникъ.

(Окончаніе).

V.

Близость къ жизни проповѣдничества Макарія.—Какое оправданіе для себя имѣть это свойство проповѣдничества и въ какомъ смыслѣ оно проявляется у Макарія.—Простота и общедоступность его моральныхъ требованій.—Примѣры этого.—Отношеніе его къ высшимъ степенямъ моральной жизни;—взглядъ на самоотверженіе и подвигъ.—Вытекающее отсюда пониманіе имъ задачъ церковной проповѣди въ отношеніи къ потребностямъ временной жизни.—Взглядъ на народъ и потребности жизни народной и жизни общественно-государственной. Отношеніе Макарія къ русскому духовному сословію. Призывы его къ христіанской любви къ людямъ, какъ особенно замѣтная черта въ его проповѣдяхъ.—Любовь и человѣколюбіе.—Другія свойства идеи любви, какъ эта идея раскрывается Макаріемъ.—Заключеніе.—Мѣсто Макарія въ исторіи русскаго проповѣдничества.

Если мы должны были придти къ тому выводу, что проповѣди Макарія были близки и отвѣчали „современнымъ потребностямъ мысли и жизни“; то естественно возникаетъ такой вопросъ: эта близость къ жизни не создала ли изъ Макарія проповѣдника, которому были чужды идеалы высшей жизни, предметы высшаго порядка, и такъ называемая жизненность его проповѣди не есть ли просто ея низменность, обращеніе исключительно въ сферѣ интересовъ людей пекущихся о многѣ и оставляющихъ единое на потребу?—Иначе: въ проповѣди Макарія не преобладаютъ ли главнымъ образомъ интересы земной и плотской жизни, вслѣдствіе чего и въ обычной дѣятельности человѣкъ становится чуждъ области высокихъ созерцаній, области выс-

шей духовной жизни и стремлений къ горнему?—Съ перваго взгляда представляется какъ будто бы это и дѣйствительно такъ, а это можетъ быть поставляемо не въ ничтожный недостатокъ Макарію какъ проповѣднику. Въ самомъ дѣлѣ: Макарій сочувствуетъ реформѣ 1861 года. Но не все ли равно въ концѣ концовъ, была ли бы совершена эта реформа или нѣтъ,—равно въ безусловномъ смыслѣ, когда даже одинъ изъ современныхъ же Макарію проповѣдниковъ выражалъ мысль, что христіанинъ всегда и всюду одинаково свободенъ, даже если выа его подъ мечемъ, — когда, при томъ, едва тридцать лѣтъ спустя эта реформа признается почти излишнею или исполненною не къ пользѣ народа?—Макарій привѣтствуетъ женскія училища духовнаго вѣдомства, усматривая въ нихъ будущую силу для распространенія въ народѣ грамотности: но не спасался ли для вѣчной жизни народъ русскій, когда былъ и поголовно безграмотенъ? И при томъ, еще очень давно сказано, что въ христіанствѣ и тѣ знаютъ Бога болѣе, чѣмъ знаютъ Его философы, кои и о буквахъ не имѣютъ понятія. Макарій защищаетъ науку какъ благо и въ христіанскомъ смыслѣ: но вѣдь опять, сколько истинныхъ христіанъ обходится и безъ науки? Мало того: не защищается ли здѣсь просто личный интересъ проповѣдника, ибо точно также съ церковной кафедры русское общество первой половины текущаго столѣтія могло слышать, что „несчастливая доля земной мудрости—не приближать, а отводить многихъ отъ вѣры“, да и вообще не очень давно ставился вопросъ: „много ли наука и въ наше время помогаетъ вѣрѣ?“¹⁾, то есть, подвергается по крайней мѣрѣ сомнѣнію важный тезисъ, провозглашенный Макаріемъ въ своихъ проповѣдяхъ! Съ этой точки зрѣнія могутъ казаться сомнительными всѣ идеалы, проповѣдуемые Макаріемъ: какъ имѣющіе главнымъ образомъ отношеніе къ земной и потому условной жизни, будутъ ли они тверды въ своей послѣдней основѣ — основѣ высочайшаго идеала христіанской жизни въ вѣчности, предъ которой все прахъ и пепель, и какъ бы дель одинъ? То, что выдается проповѣдникомъ за благо, пусть и есть благо, но—могутъ сказать — плоти и плотской жизни, и едва ли

¹⁾ Иннокентій. Сочиненія, I. 102

жизни истинно духовной! Макарій съ восторгомъ привѣтствуетъ судебную реформу: почему? Потому, что она наиболѣе обезпечиваетъ возможность справедливости, высшимъ выраженіемъ которой служитъ невозможность осудить невиннаго, обезпеченіе каждому принадлежащихъ ему правъ, а опасность осудить невиннаго есть страшная опасность, по выраженію Макарія. Въ новый судъ вводился элементъ сужденія по совѣсти, а не по мертвой буквѣ закона и не по внѣшнему доказательству, а совѣсть, опять, есть „драгоценнѣйшій изъ всѣхъ даровъ Божіихъ человѣку, лучшій и ближайшій изъ всѣхъ нашихъ руководителей“: и отъ того въ глазахъ Макарія—„великая судебная реформа“³⁾. Пусть такъ. Но когда это утверждается, то—можетъ явиться такая мысль—какъ будто бы забывается очистительное значеніе страданій человѣка, при которыхъ внутренній человѣкъ возвышается по мѣрѣ этихъ страданій. При томъ—опять съ церковной каюедры даже того же времени или, по крайней мѣрѣ въ качествѣ ученія церковнаго, можно было узнать совершенно инныя воззрѣнія на самое установленіе суда человѣческаго, изъ коихъ могло слѣдовать, сколь не важное дѣло составляетъ тотъ вопросъ, которымъ не однажды занимался Макарій въ своихъ проповѣдяхъ. Судъ возстановляетъ нарушенное право. „По какія у истишнаго христианина права, которыя могли бы восхитить у него другіе? Право собственности? Но опъ съ той минуты, какъ рѣшился послѣдовать за Христомъ (принявъ имя христианина), вся вмѣнилъ за уметы. Право ли чести? Но честь мірская есть для него тяжелое бремя, которое опъ благодушно несетъ потому только, что оно возложено на него свыше. Право ли личности? Но *жизнотъ его сокровенъ со Хри-*

³⁾ Слова, 1891, стр. 602; слов. вилен. 48—9. Въ рѣчи, при открытіи судебной палаты въ Харьковѣ, Макарій характеризовалъ судебную реформу 1864 года какъ „судъ правый, гласный, скорый, судъ не по буквѣ только закона, а по совѣсти, которую одну справедливо можно почитать голосомъ Божіимъ въ насъ,—суломъ, дающимъ „жизненную правду“, а не правду только кодекса закона, *ibid.* 672—3. Условія же, при которыхъ можетъ на судѣ дѣйствовать эта жизненная правда, Макарій обозначаетъ въ другомъ мѣстѣ такъ: „нужно знать побужденіе виновника дѣла, иногда вліяніе, надъ нимъ тяготѣвшія, состояніе его духа въ минуты дѣйствія“ и проч.

стомъ въ Вознѣ, а Богъ не имѣеть ни равнаго, ни сильнѣйшаго, который бы могъ у него что либо похитить (?). Отсюда очевидно, что у христіанина, собственно говоря, нѣтъ никакихъ правъ, которые бы у него могли похитить другіе“³⁾ и слѣдовательно, въ высшемъ смыслѣ, макарьевскаго воззрѣнія на судебную реформу, какъ на великую, быть не должно. Къ чему также поведутъ такія изъ началъ новѣйшаго общежитія, какъ такъ назыв. гласность, общественное мнѣніе, выборное начало, и другія, изъ которыхъ всѣмъ Макаріемъ болѣе или менѣе сочувствовалъ, или по крайней мѣрѣ возможность благотворности которыхъ не отрицалъ, расходясь при этомъ съ другими изъ современныхъ ему проповѣдниковъ⁴⁾? Не говоримъ о томъ, что

³⁾ Рук. для сельскихъ пастырей, 1861, № 17. Такое ученіе вызвало порицаніе со стороны митрополита Филарета; но въ болѣе мягкой формѣ это же ученіе можно, по крайней мѣрѣ отрывочно, бываетъ встрѣчать и позднѣе и ранѣе, и это-то подтверждаетъ справедливость прежде сдѣланнаго замѣчанія о томъ, какъ у насъ бываетъ иногда неустойчива этика общенароднаго ученія.

⁴⁾ Въ той же рѣчи, въ Харьковѣ, Макаріемъ доказываетъ несостоятельность лишь той мысли, будто гласность и общественное мнѣніе одни и сами по себѣ въ состояніи искоренить неправду въ судахъ. Выборному же началу и началу самоуправленія онъ положительно сочувствуетъ, какъ это замѣтно было и вообще въ духовной литературѣ того времени (напримѣръ, Христ. Чтен. 1861, ч. I, стр. 25). Выборное право, по мысли проповѣдника, есть „высокое и дорогое право *для блага* каждаго изъ насъ“ и потому онъ радуется, что оно теперь (въ 1861 году) дается не только старшимъ, во и младшимъ братьямъ семьи русской (Слова, 599). Задачей земскихъ учрежденій признаетъ: забывъ всю рознь сословій „единодушно заботиться [объ общихъ матеріальныхъ потребностяхъ своего края]. Но при этомъ онъ высказываетъ пожеланіе, такъ сказать, дополненія къ закону о земствѣ: „истинной христіанской любви къ ближнимъ“, безъ чего нельзя достигнуть слиянія сословій. Ibid. 615, ср. слов. Москов. стр. 98.— Отношеніе другихъ проповѣдниковъ болѣе или менѣе современныхъ Макарію, къ этимъ же вопросамъ было, конечно, не одинаковое. За двадцать лѣтъ ранѣе Иннокентій, хотя съ большой натяжкой, въ толпѣ, ругавшейся надъ Господомъ, видѣлъ „избирателей народныхъ“, а Іоаннъ Соколовъ почти въ то же время относился ко всему подобному нѣсколько иронически, то считая какъ будто бы, если не ошибаемся, все подобное выше пониманія народа русскаго, то трактуя объ этомъ какъ о дѣлѣ одного излишества. См., напримѣръ, Прав. Собесѣдн. 1859, I, 240, замѣчаніе о гласности, — и также пятую бесѣду „народнаго покаянія“ (Христ. Чт. 1865, I. 214), гдѣ „гласность“ провозглашается *дѣломъ прекраснымъ*,

ничего иѣтъ (т. е. можно такъ думать) возвышеннаго въ этомъ попеченіи о будущихъ „подругахъ до гробовой доски“ сельскаго духовенства, какъ выражается Макарій, въ попеченіи о его бытѣ и т. п. предметы, которыми впрочемъ не гнушался и другой проповѣдникъ, ученикъ Макарія ⁵⁾). Что возвышеннаго и въ томъ ученіи, что семья это школа нравственности,—что жизнь есть „поприще для дѣйствительнаго упражненія себя въ подвигахъ благочестія“ ⁶⁾), когда мы часто слышимъ и приучены слышать, что подвиги благочестія и идеалы совершенства требуютъ не прикосновенія къ грязной дѣйствительности, а такъ сказать стрясанія дѣйствительности, прикосновеніе къ которой можетъ загрязнить идеалы и вообще все то, что имѣетъ отношеніе къ чистому созерцанію?

Обратимъ однако взоры назадъ и поищемъ, не найдется ли какихъ либо основаній признать и этого, вѣчно, или преобладающе по крайней мѣрѣ ⁷⁾), вращающагося въ области земныхъ, и потому какъ будто бы низменныхъ интересовъ, многое, повидимому, измѣряющаго лишь этими интересами, проповѣдника, проповѣдникомъ совѣмъ не низменныхъ интересовъ, но такъ же работавшимъ по мѣрѣ силъ для достиженія христіанскаго совершенства, какъ это признается

но проповѣдникъ опасается, чтобы „юная гласность не внесла нѣсколько лишняго сора въ литературу и въ общество“.—Но тѣмъ не менѣе, замѣтимъ также, Іоаничъ не былъ однимъ отрицателемъ всего, что создавалось въ эту эпоху: „общественное единеніе въ массахъ народа, твердое общественное мнѣніе, дружныя стремленія и въ нравственному, общественному преуспѣянію, соединенная дѣятельность общенароднаго самоусовершенствованія: все *это требуется христіанствомъ*, которое есть свѣтъ, истина, любовь, единоклюбіе, дѣятельность, непрестанное совершенствованіе души и жизни“ (ibid), т. е. все то, что, какъ мы видимъ, признаетъ и чего желаетъ для христіанскаго общества и Макарій, только — не въ тонѣ съ вышоты смотрящаго на людей пророка, а въ тонѣ ихъ собрата по земному странствію.

⁵⁾ Разумѣемъ, конечно, покойнаго Наканора: у него идеаль истинно христіанской кончины—въ кончинѣ жены священника, идеаль христіански просвѣщеннаго ума—въ почившей женѣ профессора, идеаль честнѣйшаго исполненія своего долга — въ отставномъ солдатѣ, служителѣ академіи.
я т. п.

⁶⁾ Слова, 515.

⁷⁾ Это мы увидимъ ниже.

и за другими! Такъ уже св. Григорій Богословъ, высочайшій изъ созерцателей, однако же удивлялся, какъ это люди, стремясь исключительно къ созерцанію, къ постиженію высочайшихъ вопросовъ, упускаютъ изъ виду *жизнь*, и въ ней многое, что однакоже составляетъ поприще для добродѣтели, путь къ небеснымъ обителямъ. По его выраженію, „мы не хвалимъ ни страннолюбія, ни братолюбія, ни любви супружеской, ни дѣвства; не дивимся питанію нищихъ, ни псалмопѣнію, ни всонощному стоянію, ни слезамъ“, тогда какъ *каждое изъ сихъ заслуживаетъ вниманія*. Ибо, по его воззрѣнію, существуютъ „особливые пути ко спасенію“, по нашему, кажется, должно будетъ сказать, пути индивидуальныя. „Безъ сомнѣнія, рассуждалъ св. Григорій, ты согласишься, что у Бога обителей много, а не одна. Всѣ ли онѣ должны наполняться? Конечно, всѣ. Но есть ли что нибудь такое, что доставляло бы намъ сіи обители, или нѣтъ ничего такого? Непремѣнно есть нѣчто. Что же такое? Есть разные роды жизни и избранія, и они ведутъ къ той или другой обители, по мѣры вѣры, почему и называются у насъ путями. Всѣми ли путями должно идти, или нѣкоторыми? Если возможно, пусть одинъ идетъ всѣми; а если нѣтъ, то сколько можетъ большимъ числомъ путей; если же и такъ нельзя, то нѣкоторыми!“ „Но если сіе справедливо, то почему же, какъ будто уличивъ наше ученіе въ какой то скудости, оставили вы всѣ прочіе пути и поспѣшаете на одинъ путь, какъ вамъ представляется, разума и умозрѣнія, а какъ я скажу—пустословія и мечтательности?“ То есть, Св. Григорій осуждаетъ исключительно *теоретическое* направленіе въ пониманіи христіанскаго совершенства. Но и въ практическомъ направленіи можно впадать въ односторонность, забывая при этомъ именно то, что по поверхностности нашей кажется не стоящимъ никакого вниманія, но на самомъ дѣлѣ составляетъ одинъ изъ этихъ индивидуальныхъ путей жизни. „Не легко найти, говоритъ Св. Григорій, превосходнѣйшую изъ добродѣтелей и отдать ей первенство и преимущество, подобно какъ и на лугу многоцвѣтномъ не вдругъ можно выбрать прекраснѣйшій изъ цвѣтовъ. По моему разумѣнію различныя добродѣтели можно разсматривать такъ“, и онъ перечисляетъ за тѣмъ разные добродѣтели, имѣющія свое опредѣленіе въ Словѣ Божіемъ.

Съ этой точки зрѣнія—прекрасны вѣра, надежда и любовь; прекрасно странполюбіе, братолюбіе и человѣколюбіе; прекрасны долготерпѣніе и кротость; прекрасны изнуреніе тѣла, молитва и бдѣніе, и поречисливъ другіе виды добродѣтелей, Св. Григорій замѣчаетъ: „короче сказать: прекрасно созерцаніе, прекрасна и дѣятельность: первое—потому, что возносится превыше всего земнаго, входитъ во святая святыхъ, и возводитъ нашъ умъ къ тому, что сродно съ нимъ; другая потому, что пріемля къ себѣ Христа и служа ему, доказываетъ любовь свою дѣлами. *Каждая изъ сихъ добродѣтелей есть особый путь къ спасенію*, и несомнѣнно приводитъ къ одной какой либо изъ вѣчныхъ и блаженныхъ обителей... Посему пусть одинъ исполняетъ сію добродѣтель, другой—другую, иной—многія, а кто нибудь, если возможно, и всѣ; *только да шествуетъ каждый безостановочно, да стремится впередъ*“^{*)}). Но при этомъ однако же должно замѣтить, что Св. Григорій Богословъ выражался, что „дѣла какъ ступени ведутъ къ созерцанію“, и едва ли должно думать, будто дѣло можетъ слѣдовать въ обратномъ порядкѣ.—Этимъ по нашему мнѣнію, наилучшимъ способомъ выражено гомилетическое ученіе о томъ, что проповѣдникъ приспособляется къ обществу и не исключаетъ изъ него никакія формы жизни (кромѣ преступныхъ и грѣховныхъ), никакія индивидуальныя положенія, какъ абсолютно препятствующія достиженію спасенія, какъ низменныя съ точки зрѣнія путей къ жизни.

Митрополиту Филарету однажды священникъ приходской церкви представилъ проповѣдь въ недѣлю мытаря и фарисея на тему „о сокровенной жизни“. Филаретъ позволилъ произнести проповѣдь въ приходской церкви, но при этомъ замѣтилъ: „нынѣ и просто-то не умѣемъ жить, а беремъ разсуждать о высшихъ подвигахъ“^{*)}). Что же—ужели Филаретъ въ другихъ не одобрялъ проповѣдываніе „о высшихъ подвигахъ“, когда самъ проповѣдывалъ о томъ же, признавая законность потребности отдохновенія души отъ томлящихъ ее жизненныхъ дѣлъ, а эту клѣтку для отдохновенія души и представляетъ собою каюдра церковная, когда

*) Твор. р. пер. ч. III, стр. 11—12; ч. 2-я, стр. 5—7.

*) Душеполезн. Чтен. 1885, Окт. стр. 77.

она возводитъ хотя на нѣсколько минутъ къ ничѣмъ не омрачаемому идеалу? Итъ: Его мыслью, какъ онъ выразилъ это въ собственной проповѣди о сокровенной жизни, было лишь то, что „созерцаніе благочестивое должно быть *не праздно*, а дѣятельно“, слѣдовательно и „созерцательное ученіе“, иначе—предметы высшаго порядка въ области христіанскаго теоретическаго и практическаго ученія, должны обращаться на церковной каѳедрѣ по мѣрѣ возможности не быть словомъ празднымъ, услаждающимъ самого проповѣдника и слушателей только какъ прекрасная музыка, какъ игра на арфѣ, по выраженію Златоуста, или лучше сказать примѣняясь къ Филарету же, слово о важныхъ предметахъ должно быть словомъ *праздника* духовнаго въ противоположность—позволимъ прибавить отъ себя—духовнымъ буднямъ, въ которыхъ живеть большинство людей ¹⁰⁾. Безспорно, хорошъ праздникъ духовный, но и будни имѣютъ свои потребности, которыя не становятся отъ того презрѣнными, такъ какъ большинство рода человѣческаго волею Провидѣнія поставлено вести свою жизнь не въ праздникѣ духа, а въ „рабочихъ дняхъ жизни“, по выраженію того же проповѣдника. Не во власти проповѣдника, а можетъ быть и не въ свойствѣ дѣла, если оно такъ предуставлено Создателемъ человѣка, превратить будни духовныя въ вѣчный праздникъ духа: съ этой невозможностью намъ должно примириться на землѣ, то есть съ тѣмъ, что для духа человѣческаго поставлена не одна возможность созерцать о горнемъ, но и необходимость мыслить о земномъ, какъ уже несомнѣнно не во власти проповѣдника рабочие дни жизни людей обратить въ непрерывное ликованіе. Словомъ, человѣку, какъ онъ есть помимо исключеній, предстоитъ „жить просто“, и эта простота не унижительно для христіанина, — скорѣе унижительно „праздное созерцаніе“ высшихъ подвиговъ. Но какъ простота физической жизни не значить неоправданности ея, подобно тому какъ и наоборотъ: стремленіе

¹⁰⁾ „Церковь, говорилъ Филаретъ въ проповѣди о сокровенной жизни, поставляетъ насъ нынѣ въ благочестивое созерцаніе. Ибо что такое церковный праздникъ, если не благочестивое созерцаніе, въ которомъ духъ отдыхаетъ отъ труда плоти и *собираетъ силы для рабочихъ дней жизни?*“ (Слова, 1848, I. 193).

къ роскоши иногда заслоняетъ потребности простой опрятности; такъ и въ духовной жизни: нужно *умѣть* жить просто и это умѣнье дается не легко: работные дни въ духовномъ и въ физическомъ смыслѣ жизни большинства людей, что переименовать, повторяемъ, не во власти проповѣдника, требуютъ того, чтобы большинство находило себѣ на каѳедрѣ церковной руководство, утѣшеніе и ободреніе ¹¹⁾. Прибавимъ также, что упущеніе изъ виду этой простой, но важной теории объ умѣнью жить простою жизнью, какъ о

¹¹⁾ Вотъ также относящіяся сюда разсужденія благоговѣвшаго предъ Филаретомъ Θεодора Бухарева, кажется, безпристрастнымъ наблюденіемъ надъ современной ему жизнью пришедшаго къ извѣстнымъ выводамъ о православіи въ отношеніи къ современности. „Духовность нашей жизни состоитъ (т. е. должна состоять!) не въ пареніяхъ знать не хотящихъ человѣческой дѣйствительности, между тѣмъ какъ въ среду и подъ условія не только прямо духовныя и церковныя, но и семейныя, церковныя, гражданскія, нисходитъ къ намъ единосущный Сынъ Божій, воспріявъ и сохранивъ въ единствѣ Своего лица, въ соединеніи съ Божествомъ Своимъ, и человѣческое естество“, не презрѣнное Имъ. Посему „благодатный духъ, возвышающій насъ надъ грѣховностію плотскою и надъ растлѣностію мірскою, состоитъ (не въ томъ, чтобы презирать непрезрѣнныя и Господомъ условія человѣческой дѣйствительности, а) собственно въ томъ, чтобы у насъ все, относящееся и къ духу—до всякаго дѣйствія его силы, и къ тѣлу—даже до вкушенія пищи и до сна, все въ нашей личности было по Христу и со Христомъ и, слѣдовательно, подъ благоволеніемъ небснаго Отца Его и въ общеніи Святаго Его Духа“. „Итакъ, если мы, ревнуя по Богу и церкви, не внемлемъ или мало внемлемъ самому же Христу въ разнообразныхъ затрудненіяхъ и нуждахъ меньшихъ Его собратій—въ средѣ ли виѣшнегражданской и народной, или въ области мысли и чувства, то—*намъ*, не совсѣмъ по Христу высвѣщающа къ небу, *духовность слѣдуетъ поставить еще на землю*, которую Христосъ такъ возлюбилъ и которая во Христѣ становится уже небесною жительствою!“ (О православіи, стр. 68—9). Вотъ, какъ кажется, прекрасная иллюстрація къ мысли Филарета объ отношеніи христіанства, слѣдовательно, и каѳедры церковной къ работнымъ днямъ жизни человѣческой, къ всеобщимъ потребностямъ человѣчества: эти работные дни также заслуживаютъ вниманія, ибо могутъ быть обращены въ довольноное для спасенія жительство по Христу! Авторъ справедливо сожалѣлъ, что, наоборотъ, у насъ „самая ревность по православію направляется большею частію къ тому, чтобы не только безучастно, но и съ нѣкоторымъ осужденіемъ смотрѣть на труждающихся и обремененныхъ въ обстоятельствахъ, дѣлать и нуждахъ житейскихъ“ (ibid. 510). Не знаемъ, кого здѣсь разумѣлъ авторъ; но Филаретъ и Макарій были чужды подобныхъ воззрѣній на обремененныхъ, и потому созерцаніямъ отдаваться не могущихъ.

серьезной задачѣ церковнаго учительства, подтверждаетъ опытъ и инославныхъ исповѣданій. Вотъ что было заявлено въ началѣ шестидесятыхъ годовъ о католической проповѣди во Франціи: „въ настоящее время католическое духовенство возбуждаетъ своихъ вѣрующихъ крайнимъ мистицизмомъ, пропитываетъ ихъ проповѣдями, въ которыхъ рѣдко проявляется практическій духъ евангельскаго ученія. Отъ мірянъ (самыхъ обыденныхъ профессій) требуютъ энтузіазма и восторга духовнаго, которыми ознаменовалась нѣкогда жизнь Св. Терезы“. „Новые (французскіе) проповѣдники, соображаясь съ своей келейной жизнію, съ своими отшельническими привычками, требуютъ отъ матери семейства того же самаго, что требуется отъ инокини, и на кафедрахъ только и толкуютъ, что о постоянномъ созерцаніи, и требуютъ этого созерцанія отъ слушателей, которыхъ главная обязанность состоитъ въ исполненіи положительныхъ, сообразныхъ съ ихъ родомъ жизни добродѣтелей и чистыхъ нравовъ. Такая запутанность въ возрѣніяхъ произвела уже свой плодъ. Теперь рѣшительно ни въ чемъ толку не добьешься, такъ что если слушаешь проповѣдь въ приходѣ, гдѣ преобладаетъ простонародіе, то по неволѣ приходитъ на умъ вопросъ: кому же здѣсь проповѣдуютъ эти монахи: самимъ себѣ или простымъ работникамъ и ихъ семействамъ?“¹²⁾.

¹²⁾ Рук. для сельскихъ наставрѣй, 1861, № 15, стр. 386. Авторъ этого замѣчанія прибавляетъ: „поэтому не должно удивляться бесплодно принятой нынѣ во Франціи системѣ проповѣдыванія Слова Божія“, т. е. бесплодной проповѣди.—Не по пристрастію къ своему, но по достовѣрности факта скажемъ, что русскіе проповѣдники (существуютъ, конечно, и исключенія) не поддавались соблазну сдѣлать то, чего нельзя сдѣлать. Кромѣ приведеннаго замѣчанія Филарета укажемъ еще: нетерпимый Іоаннъ Соколовъ не гнушается въ своихъ проповѣдяхъ вопроса о томъ, что женское крестьянское нассленіе не умѣетъ обращаться съ дѣтьми и ставить правленіе этого миссіей женскаго духовнаго образованія. Поистинѣ есть классическое слово его къ воспитанницамъ женскаго училища, гдѣ онъ, отказавшись брать „широкіе и великіе предметы для слова“, приглашаетъ слушателей „пойти за словомъ туда, откуда пришли слушатели: въ темныя и тѣсныя избы, гдѣ виды людей не простираются далѣе насущнаго хлѣба“, и здѣсь-то напоминаетъ, между многими прочимъ, о томъ, сколько поразительно въ крестьянской средѣ „совершенное неумѣніе обращаться съ дѣтьми, лишеніе всякаго руководства и добраго совѣта въ женскихъ дѣ-

И такъ, жить *просто по христіански* есть то, безъ чего христіанскій міръ пока еще не можетъ обойтись, и это *пока* есть филаретовское *нынѣ*, а долгое ли время оно продолжится—отвѣтъ на этотъ вопросъ кто дастъ? Наученіе жить просто, конечно, признано можетъ быть черновой работою и—стало быть проповѣдникъ вращающійся въ этой области есть черновой работникъ? Да, конечно; но это не униженіе для него, какъ не униженіе работа въ потѣ лица надъ нивою, доставляющею хлѣбъ для созерцателя высшихъ истинъ. И въ области труда ученія въ церкви не униженъ этотъ трудъ, пока не приготовленъ матеріаль для труда высшаго, а этотъ матеріаль и въ самомъ дѣлѣ теперь еще едва ли готовъ,—стоитъ лишь послушать проповѣдниковъ обличителей!—Человѣчество еще приизобилуетъ братьей меньшей рѣшительно во всякомъ смыслѣ, и приизобилуетъ вѣроятно не отъ того, что о задачахъ высшей морали оно рѣдко слышало, — объ этомъ начиналъ заботиться еще Оригенъ,—а просто отъ того, что мало слышало, или по крайней мѣрѣ плохо усвоило, понятія о задачахъ общедоступныхъ, то есть чисто евангельскихъ, ибо недоступныхъ Евангеліе не предлагаетъ.

На этой точкѣ зрѣнія стоялъ и Макарій, въ своихъ проповѣдяхъ почти не занимаясь высшими и особенными (въ противоположность общимъ) вопросами христіанской морали.

лажь, отсутствіе всякой помощи въ болѣзняхъ“ (Поучен Смол. 1876, стр. 38), и посему приглашаетъ будущихъ женъ священниковъ быть діаконалисами для прихода! Это напоминаніе проповѣдника невольно напрашивается на слово, когда въ прошломъ году заявлено было о поразительной смертности дѣтей въ одной изъ губерній, и слѣдов., объ остановкѣ прироста населенія. Можетъ быть нужно сказать: пусть?—Можетъ быть, но тогда остается еще одно: возрадоваться съ Гартманомъ и не упрекать развращенность Франціи, гдѣ стало замѣчаться то же, хотя влѣдствіе другихъ причинъ.—Покойный преосв. Алексій давалъ такую тему для проповѣди, показующую какъ и онъ былъ далекъ отъ возврѣвія, отъ котораго не могли освободиться католическіе проповѣдники во Франціи: „сказать поученіе прихожанамъ по полученіи извѣстія о томъ, что одна прихожанка, молодая и мать семейства, шедшая на богомолье, утонула въ рѣкѣ влѣдствіе неосторожности перевозчика“ (Извѣковъ, Ист. Лит. Сем. стр. 427). Неважное событіе, тысячами повторяющееся, но по истинѣ слово о немъ можетъ дать цѣлую жизненную философію для души христіанина, желающаго не только созерцать, но и жить по христіански.

Иначе сказать, преобладающіе вопросы его нравоученія суть вопросы общенароднаго интереса. Нужно впрочемъ прибавить, что и вопросы высшаго порядка въ пониманіи Макарія принимали нѣсколько иной характеръ, по сравненію съ пониманіемъ общераспространеннымъ, и отъ того христіанская мораль въ его проповѣдяхъ становилась болѣе общедоступной, но конечно уже не неизменной. Въ самомъ дѣлѣ, что такое, по Макарію, такъ называемая „духовная жизнь“ и гдѣ мѣсто для высшихъ подвиговъ, добровольно пріемлемыхъ на себя христіаниномъ? Не говоря уже о томъ, что разсужденія Макарія о духовной жизни чужды порицательныхъ отношеній ко всякому понеченію о земной жизни, мы должны сказать, что духовная жизнь у Макарія есть просто исполненіе нравственнаго закона, безъ всякаго отношенія къ какому нибудь условному пониманію этого закона. „Высшее и основное отправление нашей духовной жизни есть *вѣра въ Бога*“, говорилъ однажды Макарій. Нечего и говорить, что это понятіе Макарій не употребляетъ въ какомъ либо принужденномъ смыслѣ. „Другое отправление ¹³⁾ нашей духовной жизни есть исполненіе нравственнаго закона, начертаннаго въ совѣсти и объясненнаго въ Св. Евангеліи, или точнѣе *въ этомъ то исполненіи нравственнаго закона* во всѣхъ его частностяхъ и подробностяхъ и *проявляется собственно духовная жизнь*, тогда какъ вѣра служитъ только ея основаніемъ и условіемъ“ ¹⁴⁾. Что значить обязанность не „любить кого либо паче Бога“, обязанность обыкновенно столь растяжимо предлагающаяся въ проповѣдяхъ? Значитъ: „изъ любви къ кому либо не согласиться нарушить заповѣди евангельскія“: излишне и разъяснять доступность такого требованія для человѣчества. Мы упоминали, что по Макарію выраженіемъ суммы отдѣльныхъ положеній христіанской этики или ея постулатомъ можетъ быть признано: „человѣкъ прежде всего обязанъ быть человѣкомъ“. Но конечно можно спросить: ужели христіанство ничего не тре-

¹³⁾ Мы должны сознаться, что не признаемъ удачнымъ введеніе этого слова въ богословскую терминологию, что также, въ свою очередь, подтверждаетъ высказанную прежде мысль, что Макарій, повидимому, мало заботился о внѣшней сторонѣ своихъ проповѣдей.

¹⁴⁾ Слова, стр. 549. 551.

буеть болѣе сего, а также—*когда* же въ самомъ дѣлѣ мы бываемъ человѣками? Рѣшеніе послѣдняго вопроса у Макарія даетъ собою и рѣшеніе перваго вопроса. „Мы будемъ людьми, будемъ тѣмъ, чѣмъ должны быть по намѣренію Создателя, когда будемъ жить и дѣйствовать по тѣмъ законамъ, какіе начертаны въ нашей совѣсти и сердца“.

И ничего болѣе? Нѣтъ. Дѣло въ томъ, что формальное начало жизни по законамъ совѣсти и сердца можетъ правильно осуществляться единственно только при свѣтѣ и руководствованіи христіанствомъ: „только вѣра Христова... даетъ намъ силы необходимыя для того, чтобы мы могли жить и дѣйствовать по нравственнымъ законамъ, могли болѣе и болѣе усовершенствоваться въ добрѣ и такимъ образомъ достигать святости, къ которой мы предназначены. Следовательно, наша первая обязанность сдѣлаться истинными христіанами: ибо только подъ этимъ условіемъ мы можемъ сдѣлаться и истинными людьми, то есть, такими, какими вышли изъ рукъ Создателя“¹⁵). Но это разсужденіе — не кругъ понятій, какъ то можетъ представиться на первый взглядъ, (т. е. быть человѣкомъ значитъ быть христіаниномъ, а христіаниномъ—быть человѣкомъ), а лѣствица понятій: христіанство дѣйствительно даетъ возможность быть человѣкомъ, но на этомъ не останавливается: оно даетъ *высшее содержаніе* самому понятію о человѣчности. Но и это ступень не окончательная: послѣдняя ступень, достигнувъ которой человѣкъ истинно достигаетъ своего человѣческаго предназначенія, „заключается въ самомъ Богѣ“. Этого высочайшаго предназначенія мы достигнемъ въ вѣчныхъ обителяхъ нашего Творца и Господа, „но (опять) достигнемъ только въ такомъ случаѣ, если будемъ *жить* здѣсь и для себя—для приобрѣтенія себѣ святости и совершенства, и для ближнихъ — для ихъ истиннаго блага и счастья, и особенно для Бога во славу Его имени“. Жить! Но жить, во Макарію, значитъ дѣйствовать и такимъ образомъ оказывается, что достиженіе цѣлей бытія человѣка въ зависимости отъ вопроса *какъ жить*, подразумѣвая при семъ, очевидно, не какое либо понятіе отдаленное, а ближайшее,

¹⁵) Ibid. 113—14.

все-тоже филаретовское: какъ жить *просто, всякому*, потому что, *вѣдь*, спасеніе не предопредѣлено не-всякому, какому либо исключительному человѣку, а всякому хотящему быть христіаниномъ. Справедливо говорятъ, что древняя Русь смотрѣла на людей удрученныхъ въ жизни особенными тягостями (несчастныхъ съ точки зрѣнія внѣшняго благополучія) какъ на людей необходимыхъ всѣмъ прочимъ людямъ для ихъ спасенія, какъ необходимъ больной для клиники. Для Макарія человѣкомъ необходимымъ для спасенія былъ весь міръ въ смыслѣ совокупности людей и людскихъ отношеній: мы уже видѣли, что онъ признаетъ самый фактъ существованія общества человѣческаго фактомъ содѣйствующимъ, а не противодѣйствующимъ спасенію человѣка, и отсюда то положеніе, что „каждый изъ насъ, проходя надлежащимъ образомъ то или другое служеніе въ обществѣ, каково бы это служеніе ни было, благоугождаетъ Богу“. „Нужно только при этомъ соблюдать въ себѣ живую вѣру во Христа Спасителя“¹⁶⁾.—Но если такъ, если уже чрезъ надлежащее прохожденіе своего служенія въ обществѣ цѣли настоящей жизни могутъ быть достигаемы; то ужели у Макарія не признано извѣстное различеніе *степеней* нравственныхъ совершенствъ, различеніе подвига и подвижника нравственнаго закона отъ простаго исполнителя лишь повелѣннаго, — того только, безъ чего христіанинъ перестаетъ быть христіаниномъ? Нѣтъ, какъ мы уже замѣчали, Макарій не оставляетъ обычнаго раздѣленія евангельскихъ заповѣдей и евангельскихъ совѣтовъ; и послѣдованіе совѣтамъ онъ признаетъ дѣломъ, образующимъ степень высшую въ моральной жизни. Но слѣдованіе однимъ заповѣдямъ или вмѣстѣ и совѣтамъ можетъ обозначать собою, по Макарію, дѣйствительныя степени потому, что можетъ обозначать собственно *степень самоотверженія*, обязательнаго уже для всякаго христіанина, и притомъ—потоліку, поколику выражаетъ дѣйствительное самоотверженіе. Самая цѣль самоотверженія во всякой его степени есть, опять, какъ бы педагогическая, какъ пріемъ человѣка въ перевоспитаніи самого себя съ тѣхъ сторонъ нашей человѣческой природы, которыя могутъ образовать преткнанія для

¹⁶⁾ Ibid. 130.

истинной нравственной жизни. Что такое въ самомъ дѣлѣ *самоотверженіе* (Марк. VIII. 34)? Иначе, что значить отвергнуться себя? Мы не будемъ ставить тѣхъ частныхъ вопросовъ, которые при вопросѣ объ этомъ ставилъ митр. Филаретъ. Но Макарій здѣсь какъ будто бы дополняетъ Филарета. По Филарету, отвергнуться себя не значить бросить безъ попеченія тѣло и душу; по Макарію—не значить „не любить себя“ (конечно, возможное предположеніе, что Макарій проповѣдывалъ самолюбіе или самоугожденіе должно оставить!): „самоотверженіе, требуемое отъ насъ христіанствомъ, не противно нашей природѣ, нашей естественной любви къ себѣ“ (мысль эта у Макарія выражена въ формѣ вопросительной, Слова, 502). Оно значить: прерваніе привязанностей „къ самымъ дорогимъ благамъ, *если они удерживаютъ* отъ послѣдованія за Христомъ, удаляютъ отъ закона Божія и располагаютъ къ порочной жизни“. „Мы должны любить Бога всею своимъ существомъ“: „значить, мы должны отказываться отъ всего, и въ насъ самихъ, и *внѣ насъ, что только* можетъ быть несогласно съ любовью къ Богу, чѣмъ можемъ мы оскорблять Его, что можетъ вести къ беззаконію, къ нечестію“. И вотъ „въ этомъ то отреченіи отъ всего несогласнаго съ любовью къ Богу, отъ всего грѣховнаго или влекущаго къ грѣхамъ—и состоитъ христіанское *самоотверженіе*“. Естественнымъ, конечно, является вопросъ: по *что же именно можетъ* влечь къ порочной жизни? Конечно не то, что произошло отъ Бога же: ни общество, ни извѣстное естественное состояніе, ни потребности человѣческія, и посему христіанинъ „отнюдь не подавляетъ законныхъ потребностей своей природы, не убиваетъ ея невинныхъ стремленій и влеченій. Человѣчеству естественно (напримѣръ) влеченіе къ семейной жизни—и христіанство не только не запрещаетъ брака, но освящаетъ его особымъ таинствомъ“. Иными словами, по Макарію, какъ мы сказали, самоотверженіе въ извѣстномъ смыслѣ обязательно *для каждаго христіанина*, и слѣдовательно *возможно* въ каждомъ христіанскомъ положеніи. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при нѣкоторыхъ индивидуальныхъ расположеніяхъ, влеченіемъ къ порочной жизни можетъ оказаться и то, что само по себѣ, какъ выражается Макарій, естественно, и потому нравственно безразлично; слѣдова-

тельно, безразличное становится въ нѣкоторомъ смыслѣ *опаснымъ*: тогда наступаетъ моментъ, съ коего отверженіе безразличнаго является нравственной потребностію, и это есть высшая степень самоотверженія, которое можно возлагать на себя, но можно и нѣтъ, (если, на примѣръ, и сознавая опасности извѣстнаго положенія человекъ признаетъ въ себѣ достаточно силы устоять въ опасностяхъ) и которое, какъ дѣло доброй воли, становится заслугою, но заслугою въ томъ смыслѣ, въ какомъ больной, тщательно слѣдующій предписаніямъ врача, долженъ быть признанъ болѣе „истинно любящимъ себя“ (истинно, т. е. по христіански), нежели другой больной, въ своей болѣзни не обращающійся къ пособію средствъ болѣе или менѣе удостоенныхъ въ своей полезности. „Чтобы оцѣнить значеніе высшихъ (выражаемыхъ евангельскими совѣтами), равно какъ и низшихъ степеней христіанскаго самоотверженія, надобно посмотрѣть внимательнѣе на *цѣль* христіанскаго самоотверженія, которая *достигается на тѣхъ и другихъ* степеняхъ, (но) только въ различной мѣрѣ. Цѣль, къ которой идетъ христіанинъ путемъ самоотверженія, ближайшая и непосредственная есть нравственное исцѣленіе и обновленіе, и цѣль высшая и послѣдняя, для достиженія которой его нравственное исцѣленіе и обновленіе служить только средствомъ“: вѣчное блаженство ¹⁷⁾). Но что же значить выраженіе проповѣдника: „цѣль достигается на тѣхъ и другихъ степеняхъ, *только въ различной мѣрѣ*?“ Ужели же спасенные не одинаково спасены? Изъ обращенія проповѣдника къ сравненію двухъ больныхъ, повинующагося совѣтамъ врача и не повинующагося, и потому исцѣляющагося и неисцѣляющагося, видно, что, разъ уже цѣль достигается, то „въ различной мѣрѣ“ обозначаетъ: съ большею или меньшею степенью вѣроятности на успѣхъ, по аналогіи между преуспѣвающимъ въ выздоровленіи больнымъ и больнымъ вслѣдствіе пренебреженія къ испытаннымъ средствамъ выздоровленія не получающимъ. Но, какъ извѣстно, и не слѣдующіе совѣтамъ врача ни какъ не должны считаться обреченными на смерть неминуемую.

Отсюда и взглядъ Макарія на подвигъ, какъ на высшую

17) Ibid. 506—508. Сравни. 554.

степень самоотверженія. Если самоотверженіе возможно въ разныхъ областяхъ жизни, то также точно и подвигъ: всякое нравственное отношеніе можетъ включатьъ въ себѣ подвигъ. Поэтому, такъ сказать условной области для подвиговъ быть не можетъ, ибо отвергнуться себя, перестать, въ разныхъ посредствующихъ степеняхъ, существовать для себя ради цѣлей высшихъ, можно на разныхъ поприщахъ: всякая жизнь можетъ давать поприще для подвига и потому подвигъ можетъ быть всюду. Удаленіе отъ жизни и поставленіе себя въ исключительныя условія есть, конечно, подвигъ: ибо предпринимается ради спасенія души—„чтобы безпрепятственнѣе трудиться надъ своимъ нравственнымъ исправленіемъ и усовершеніемъ“, то есть, чтобы поставить себя въ наилучшія условія для совершенія спасенія. Но это такъ сказать удобство совершенія спасенія, по мысли Макарія, палагаетъ нѣкоторыя особенныя нравственныя обязанности на совершающаго подвигъ, и въ то же время или тѣмъ самымъ даетъ нѣкоторую цѣнность и жизни тѣхъ людей, которые не совершаютъ этого подвига. „Вы удалились отъ міра, говорилъ Макарій въ одномъ изъ монастырей, прервали внѣшнюю связь съ обществомъ человѣческимъ. Но вы не могли прервать съ нимъ связи духовной: тамъ въ мірѣ вы родились; тамъ среди общества вы выросли, воспитывались и провели можетъ быть многіе годы; общество и отечество доставляютъ вамъ и теперь средства для вашего физическаго существованія. *Чѣмъ же вы можете здѣсь служить обществу и отечеству?*“ Поставленіе этого вопроса Макаріемъ показываетъ, какъ Макарій былъ далекъ отъ мысли, что подвигъ даетъ только одностороннее право и черезъ то какъ будто бы создаетъ въ мірѣ христіанскомъ ничѣмъ неоправдываемое неравенство въ условіяхъ спасенія: право однихъ на условія лучшія для спасенія, а вмѣстѣ и обязанность другихъ, неимѣющихъ возможности воспользоваться этими лучшими условіями для спасенія, обязанность служить имъ въ области нищей, но неизбѣжной, по условіямъ человѣческаго существованія, даже и для избравшихъ подвигъ исключительнаго состоянія. Такая постановка вопроса не часто встрѣчается въ проповѣдяхъ; но она—высоконравственна, потому что высокосправедлива, и въ особенности полезна

при скептическомъ настроеніи въ образованномъ обществѣ къ самой необходимости подвига отреченія отъ міра,— какъ, повторяемъ, разрѣшающая вопросъ о справедливости въ распредѣленіи средствъ спасенія. Выбирайте любой способъ спасенія—можно сказать при такомъ способѣ возрѣнія (сравн. приведенную выше мысль Григорія Богослова о различіи этихъ способовъ) и не завидуйте лучшимъ условіямъ однихъ, ибо эти лучшія условія—не туне получаемое право, но заслуживаемое несеніемъ обязанностей, оправдывающихъ право. Эту возможность служенія обществу людей удаляющихся отъ міра Макарій видитъ въ служеніи обществу духовными средствами и прежде всего усердными молитвами. „Было время, говоритъ Макарій, когда наши обители служили въ нѣкоторой степени и расадниками просвѣщенія для всего нашего отечества: да пребудутъ же онѣ нынѣ, какъ бывали и прежде по крайней мѣрѣ училищами благочестія для притекающаго въ нихъ народа!“ Поэтому „свѣтлымъ временемъ русскаго монашества“ Макарій называетъ время древнее, и заповѣдуетъ ревновать древнимъ подвижникамъ, „чтобы не только спасти собственные души, но и *принести долю* нравственной пользы тому народу, изъ котораго вышли, и той странѣ, въ которой наслаждаетесь миромъ и благоденствіемъ“¹⁸⁾.—Съ этой же точки зрѣнія, что подвига тамъ нѣтъ, гдѣ есть

¹⁸⁾ Ibid. 698—99. Слова Москов. стр. 88: ср. Слова стр. 567, гдѣ выражаютъ мысль, что „отреченіе отъ міра какъ общества человѣческаго не есть забвеніе обязанностей къ міру, безъ котораго (міра) и отрешившійся не можетъ существовать ни физически, ни нравственно. „Бывають въ христіанскихъ обществахъ люди, которые, чувствуя въ себѣ особенное призваніе, желая достигнуть высшихъ степеней нравственнаго совершенства, оставляють міръ и удаляются въ пустыни или обители. Повидимому, они совсѣмъ забываютъ о томъ обществѣ, среди котораго родились и воспитались... Нѣтъ, они твердо помнятъ о родномъ краѣ и не перестаютъ *служить ему духомъ самую вѣрную службу*“. Эта служба—искренняя и немощная молитва за царя, какъ главу общества, и за отечество. Но можетъ быть эта память объ обществѣ есть только несовершенство въ прохожденіи подвига? Нѣтъ, помнить о мірѣ въ извѣстномъ отношеніи проповѣдникъ совѣтуетъ и въ другомъ мѣстѣ: помнить для того, чтобы быть свѣточемъ міру, „училищомъ вѣры и благочестія“, и чтобы не быть „оублазномъ для немощныхъ“ (556).

одна забота о личномъ благѣ, потомучто самоотверженіе, какъ сущность подвига, и эгоизмъ суть понятія взаимно себя исключаютія. Макарій видитъ подвигъ въ жизни чело-вѣка повидимому всецѣло отдавашагося дѣлу только зем-ной жизни: какъ мы говорили, жизнь С. М. Соловьева онъ называетъ „подвижническимъ трудомъ“. И кто будетъ обвинять проповѣдника въ преувеличеніи, вспомнивъ, по словамъ проповѣдника, „мужество, терпѣніе, самоотверже-ніе“ чело-вѣка, „проводящаго дни и ночи надъ древними хартіями“, чтобы этимъ трудомъ „способствовать раскры-тію самосознанія въ русскомъ народѣ“? Вообще по мысли Макарія, „всякое доброе дѣло освящаетъ насъ (само по себѣ), проводить какъ бы новую черту святости въ насъ“, а кто хочетъ имѣть поприще для многихъ и безпрерыв-ныхъ добрыхъ дѣлъ, тому для этого представить обшир-ное поприще жизнь, какого бы внѣшняго характера она ни была: „жизнь указываетъ безчисленное множество для дѣй-ствительнаго упражненія себя въ подвигахъ благочестія, для дѣйствительнаго усовершенствованія себя въ добрѣ“ и Макакарій не оставляетъ указывать при случаѣ, сколь мало надобности въ усиленномъ *исканіи* подвига, когда есть желаніе совершать его. Напомнимъ здѣсь это обра-щеніе къ будущимъ женамъ священниковъ: „вся наша зем-ная жизнь, говорилъ Макарій, есть ничто иное какъ школа, въ которой мы должны приготовиться для вѣчности“, а „разные обстоятельства и случаи, какого бы рода они ни были, суть уроки, которые даетъ намъ Промыслъ и кото-рыми мы должны воспользоваться для нравственнаго совер-шенствованія себя“,—уроки достаточные для своей цѣли, если при нихъ будетъ продолженъ трудъ „ревностнаго исполненія обязанностей званія своего“, трудъ, хотя бы „въ самой скромной долѣ“, но который, если онъ будетъ переноситься „съ кротостію, смиреніемъ и самоотверже-ніемъ“, достойно приготовить къ вѣчной жизни, дабы тамъ „представить отчетъ въ дѣлахъ своихъ и получить правед-ное вѣчное мздовоздаяніе“. Ибо развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не составитъ подвига исполненіе того, къ чему пригла-шаетъ проповѣдникъ этихъ будущихъ женъ: „доказать *на дѣлѣ* (среди условій своего быта), что сердце ваше испол-

нено христіанской любовью?“ чему такъ много учать насъ въ теоріи ¹⁹⁾).

Если всякая жизнь можетъ быть поприщемъ для добродѣтели, то естественно, что мысль проповѣдника будетъ склоняться къ тому, что задачею проповѣди какъ ученія, а равно и всякаго христіанскаго дѣлателя на землѣ, будетъ не изысканіе способовъ избѣганія жизни, а улучшенія неизбѣжной жизни на землѣ,—и это то даетъ новую черту въ образѣ практическаго ученія нашего проповѣдника, еще рельефнѣе выражающую стремленіе научить какъ жить просто всякому, такъ какъ люди исключительныхъ нравственныхъ свойствъ сами для себя найдутъ твердые пути жизни. Поэтому ко всему, что попадалось на глаза, Макарій относится какъ бы съ вопросомъ: какъ это должно бы быть, чтобы оно оказалось ни въ какомъ смыслѣ не противнымъ понятію объ истинно христіанской жизни. Уже древній проповѣдникъ (св. Григорій Двоесловъ) замѣчалъ, что пасомые считаютъ себя въ правѣ отворачиваться отъ церковной каеедры, если самъ пастырь отворачивается отъ ихъ обыденныхъ нуждъ, т. е. идетъ къ жизни съ отрицаніемъ, а не съ заботливымъ вниманіемъ объ ея улучшеніи. И Макарій примѣнялъ это начиная отъ высшихъ сторонъ жизни до низшихъ, твердо, съ каеедры, заявивъ однажды, что жизнь временная—никакъ не внѣ сферы пастырскаго попеченія: пастырь, вѣдь, учитъ на землѣ и будетъ учить пока только пребываетъ на землѣ. При вступленіи на московскую паству Макарій говорилъ: „мой долгъ возвѣщать вамъ *и тѣ истины* божественнаго откровенія,

¹⁹⁾ Мысль Макарія, что подвигъ не требуетъ какъ необходимаго условія *какихъ* нибудь исключительныхъ особенностей во внѣшней жизни, еще явственнѣе, кажется, выражена у учителя Макарія, Димитрія, и встрѣчается отчасти даже у Иннокентія. Димитрій рассуждалъ такъ, что и бракъ, на который обыкновенно смотрятъ какъ на уклоненіе отъ подвиговъ по его мнѣнію, есть подвигъ; и Димитрій жалѣлъ, что эта мысль изглаживается среди современнаго христіанскаго общества. Отъ чего теперь, при распространеніи образованности, рассуждалъ однажды Димитрій, не менѣе несчастныхъ супружествъ, чѣмъ было прежде? Отъ того, по его мнѣнію, что прежде смотрѣли на дѣло лучше: „вступали въ бракъ такъ же, какъ давали обѣты монашества: смотрѣли на супружескій союзъ какъ на подвигъ самоотреченія, по имя Божіе, и выходило лучше!“ Сочин. СПб., I. стр. VII.

которыя касаются нашей временной жизни. Ибо въра Христова (1 Тимое. IV, 8), научая насъ всему, что нужно намъ знать и дѣлать для вѣчнаго спасенія, учитъ насъ вмѣстѣ главнѣйшимъ обязанностямъ нашимъ *въ быту* семейномъ и общественномъ, и своимъ живоноснымъ ученіемъ, своими возвышенными заповѣдями о самоотверженіи и любви, приготовляя гражданъ для царства небеснаго, приготовляетъ гражданъ и для царствъ земныхъ²⁰⁾, т. е. если перевести условную фразу на языкъ общихъ понятій, то проповѣдникъ объявляетъ не внѣ сферы своего ученія и вопросы земнаго существованія, и конечно—не съ точки зрѣнія равнодушнаго любопытства или презрительнаго объявленія изменности подобныхъ вопросовъ для христіанина, что, къ сожалѣнію, иногда прикрывается теоріей: не прилѣпляется къ земному²¹⁾. Съ перваго взгляда представляется, какъ будто бы, во первыхъ, слишкомъ смѣло проповѣдникъ хочетъ Откровеніе привести къ вопросамъ временной жизни: Библия, какъ самъ проповѣдникъ замѣчалъ въ другомъ мѣстѣ, вѣдь не научаетъ земледѣлю и вообще вопросамъ быта: а во вторыхъ, самъ проповѣдникъ, какъ мы упоминали, содержаніемъ проповѣди поставляетъ то, что служитъ къ вѣчному спасенію²²⁾. Но Макарій, очевидно, не

²⁰⁾ Слова москов. стр. 3—4.

²¹⁾ И Макарій также учитъ: „не привязывайтесь къ землѣ, нашему временному жилищу, заботьтесь болѣе о томъ, чтобы *горня мудрствовать*“ (Слова, 426). Но въ устахъ Макарія это значитъ не отрицаніе земной жизни, а устройство ея по духу христіанства. Не привязываться къ землѣ это значитъ, чтобы, напримѣръ, наука не имѣла своею конечною цѣлю только удобства и удовольствія временной жизни, забывая о жизни вѣчной; то же самое и „вся эта лихорадочная дѣятельность, обнимающая всѣ классы общества“. Пусть процвѣтаетъ торговля: проповѣдникъ радуется, что (Слов. 432) она процвѣтаетъ, но только во имя условности настоящей жизни онъ напоминаетъ, чтобы торговцы „не увлекались духомъ своекорыстія и несправедливости, не прилѣплялись сердцемъ къ благамъ земнымъ, а старались постоянно и о приобрѣтеніи духовныхъ сокровищъ, которыя одни перейдутъ съ нами въ жизнь загробную“. Словомъ, по взгляду Макарія: должно всегда, при всякихъ условіяхъ, помнить о вѣчной жизни и трудиться для нея. Но это весьма можетъ совмѣщаться и съ трудомъ жизни временной.

²²⁾ Сравни. выше глав. II. Приведенныя слова составляютъ только вторую половину мысли о томъ, что, по понятію Макарія, должно составлять содержаніе ученія съ церковной кафедры.

впадаетъ въ недоразумѣніе, по которому въ подобныхъ вопросахъ смѣшиваются двѣ стороны одного и того же дѣла: если вопросъ о земледѣліи къ вѣчному спасенію не относится; то относится именно къ вѣчному спасенію вопросъ о земледѣльцѣ, о его трудѣ, какъ вопросъ, въ которомъ такъ не нравственно (или наоборотъ) могутъ переплетаться интересы *человѣка*, и вопросъ изъ низменнаго (по крайней мѣрѣ физически) дѣлается вопросомъ совѣмъ не ничтожнымъ²³). Недаромъ, на примѣръ, въ забываемомъ теперь Исповѣданіи Петра Могилы хотя бы удержаніе заработной платы относится къ числу грѣховъ „вопіющихъ къ Богу объ отомщеніи“. Какъ же можетъ быть равнодушнымъ проповѣдникъ хотя бы къ подобнымъ вопросамъ скромной сельской этики, гдѣ о вопросахъ высшаго порядка и не слышали, за то часто до физической боли чувствительно бываетъ пренебреженіе самыми элементарными правилами справедливости? Это давало всему проповѣдничеству Макарія характеръ, такъ сказать, простоты истины, но вмѣстѣ съ тѣмъ и высоты (сравнимъ приведенное выше опредѣленіе того, что значитъ любить Бога, откуда ясно становится, какъ это возможно для всякаго!). Какъ это проявляется у Макарія, можно указать на слѣдующее. Такъ, какъ будто бы даже не совѣмъ прилично говорить о жертвованіяхъ на алчущихъ, когда церковь призываетъ ни о чемъ земномъ не помышлять: Спаситель міра изъявленный— лежитъ во гробѣ! Но Макарій этого не находитъ,—если „нынѣ (въ одинъ изъ голодныхъ годовъ) Христосъ устами меньшихъ своихъ братій вопіетъ посреди насъ и къ намъ: алчу!“ „Ужели же мы не подвигнемся для напitanія нашихъ алчущихъ?“ То есть, въ Великій день мораль проповѣдника чрезмѣрно проста: „во имя Висящаго на крестѣ дайте хлѣба собрату: бѣдствіе народное не неизменно вспомнить и въ этотъ день забвенія всего земнаго“: какъ бы такъ говорить проповѣдникъ.—Когда у проповѣдника идетъ прямая рѣчь въ какомъ либо отношеніи о „простомъ“ народѣ: то онъ не прикрываетъ простой народъ въ его недостаткахъ,

²³) Начала, по которымъ могутъ быть различаемы въ вопросахъ временной жизни стороны подлежащія церковной каеедрѣ и стороны не подлежащія, подробно раскрыты были нами въ Церковн. Вѣдом. 1889 г. № 33.

но за то—не прикрывается и ученіемъ о раздѣленіи свыше жребіевъ на землѣ когда говорить о „незавидномъ его существованіи“ на землѣ, столь рельефно, прежде Макарія и довольно нерѣдко, представляемомъ уже у Иннокентія ²⁴⁾. „Взгляните на нашихъ поселянъ, на эти милліоны нашихъ меньшихъ братій, говорилъ однажды Макарій. Ежедневный тяжелый трудъ, постоянныя нужды во всемъ, иногда самомъ существенномъ и необходимомъ, разнаго рода лишенія и неудачи, многочисленныя болѣзни, нерѣдко безъ всякаго пособія отъ врачей, столь же многочисленныя другія бѣдствія и страданія, безъ надлежащаго умѣнья охранять себя отъ нихъ и бороться съ ними: вотъ изъ чего преимущественно слагается жизнь этихъ людей“ ²⁵⁾! Но это „путь скорбный“! По теоріи непротивленія злу, спасительности и потому—необходимости бѣдствій на землѣ, предначертанія

²⁴⁾ При недостаткахъ проповѣдничества Иннокентія, будущій авторъ исторіи (пока еще не написанной и сколько намъ извѣстно не пишущейся) „содѣйствія церковной катедры самосознанію русскаго общества“ однако же долженъ будетъ помянуть этого проповѣдника глубокимъ сочувствіемъ къ быту народа, какъ онъ (быть) существовалъ въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ. Проповѣдникъ съ смѣлостію можно сказать изумительною въ 1843 году позволялъ себѣ обратиться къ сословію владѣльческому съ слѣдующими вопросами:.. „гдѣ плоды того образованія, къ коему мы всѣ такъ стремимся? Ужели они выразятся въ томъ, что мы будемъ воспитывать и облагораживать огромныя стада безсловесныхъ животныхъ, а сотни тысячъ разумныхъ братій нашихъ, ихъ воспитывающихъ, будемъ оставлять въ состояніи безсловесныхъ? То ли величіе духа, когда чертоги наши заспорятъ высоту съ окрестными горами и наполнятся всякаго рода драгоценными бездѣлками, а хижины подвластныхъ намъ будутъ походить на убѣжища звѣрей и не имѣть у себя свѣта Божія? То ли вкусъ, когда мы не переводя дыханія, станемъ слѣдить на зрѣлищѣ за отчаянными извѣтіями голоса, рукъ и ногъ лядѣевъ, и останемся безъ очей и ушей при видѣ горькаго жребія подручныхъ намъ, при столахъ старца, коего силы истощены на поляхъ нашихъ, при волпѣ сырыхъ, конхъ отцы провели всю жизнь въ служеніи намъ?“ (Сочин. т. IV, 131) Недаромъ во время жизни Иннокентія ходило острое слово: „вашъ Иннокентій не очень невиненъ“ (игра именемъ: innocens) По виновность Иннокентія, быть можетъ, только въ рѣзкости слова, въ несокрытіи факта. На антитезъ, подобный приведенному, Макарій, конечно, не былъ способенъ; но онъ не былъ способенъ и отворачиваться отъ дѣйствительности.

²⁵⁾ Слова, 636 Въ рѣчи при сооруженіи желѣзной дороги проповѣдникъ просить присутствующихъ не забывать молитвою и тѣхъ, кои „своими суровыми кровными трудами“ потрутся въ устроеніи пути. Ibid. 641.

жребіевъ на землѣ и т. п. проповѣдникъ могъ бы сказать, что это его не касается, такъ какъ то не относится къ вопросу о спасеніи, процвѣтаетъ ли земская медицина, или земское страхованіе и т. п. Но у Макарія нѣтъ двухъ мѣръ для сужденія о вещахъ, нѣтъ двойкой этики въ христіанствѣ: если онъ призналъ возможность для человѣка счастья на землѣ, не одного только счастья почитаемаго таковымъ по заблужденію и грѣховному омраченію, а и счастья истиннаго ²⁶⁾, то онъ конечно къ такому положенію массы и долженъ отнестись иначе, чѣмъ можно было относиться по теоріи сейчасъ указанной: ибо въ концѣ концовъ большинство бѣдствій зависитъ ни отъ чего иного, какъ лишь отъ несовершенства нравственныхъ, точнѣе отъ несовершенства христіанскихъ, отношеній между людьми, которыя никакъ не слагаются къ тому, чтобы осуществлялось царствіе Божіе на землѣ ²⁷⁾, которое, конечно, не есть ѣда и питье, но не есть и не правда ²⁸⁾. Съ другой сто-

²⁶⁾ Слова, 677, о правдѣ, какъ необходимомъ условіи для истиннаго счастья. Макарій не признавалъ, конечно, счастья безблагодатнаго, т. е. возможности такого состоянія человѣка, которое не нуждалось бы въ утѣшеніи благодатномъ (Пропов. вил. стр. 84—90); но не признавалъ также и того, чтобы счастье не зависѣло ни въ какомъ отношеніи отъ вопроса о бѣдствіяхъ физическихъ, вѣшнихъ, было бы внѣ всякаго отношенія къ естественной дѣятельности человѣка (какъ сейчасъ увидимъ), и вообще, что для счастья въ лучшемъ смыслѣ не надобно „разрушенія ада на землѣ“,—разрушенія какъ дальнѣйшаго слѣдствія искупленія, по мѣрѣ распространенія между людьми царства благодати Христовой (Слова, 1891, 56—7).

²⁷⁾ О возможности *подобія* царствія Божія на землѣ Макарій уже въ одной изъ самыхъ раннихъ проповѣдей разсуждалъ: „отъ чего большая часть бѣдствій въ человѣческихъ обществахъ? Отъ самолюбія и эгоизма. Представьте же себѣ, что въ сердцахъ всѣхъ водворились христіанскія добродѣтели: самоотверженіе и христіанская любовь: что тогда послѣдуетъ? Видъ общества измѣнится, (ибо) изсякнетъ одинъ изъ источниковъ бѣдствій, и царство земное преобразится, нѣкоторымъ образомъ, въ царство небесное“ (Слова, 75). Это же онъ утверждалъ и въ послѣдствіи. Ср. приведенное выше замѣчаніе его, что „свѣтъ и радость пролился бы въ нашу жизнь“ отъ умноженія любви между нами (Слов. 449). Ср. также его взгляды на значеніе христіанства для государственнаго быта, что будетъ изложено ниже.

²⁸⁾ Можеть представиться, что взгляды Макарія на вопросъ о счастьи человѣка на землѣ не всегда были согласны между собою. Въ словѣ на новый 1866 годъ (Слова, 1891, стр. 622 и дал.) настойчиво проводится

роны, Макарій всенародно провозглашалъ, что „отечественная церковь ревнуетъ о высшихъ, благороднѣйшихъ *потребностяхъ народа*“, а ко всѣмъ вообще обращалъ такое нравоученіе: „живите по духу церкви и будьте увѣрены, что она воспитаетъ васъ и *для истиннаго счастья*“

мысль что „наше счастье не здѣсь, на землѣ, а тамъ въ обителяхъ Отца Небеснаго“: мы здѣсь—странники и пришельцы. „Счастье, говорилъ проповѣдникъ, это чувство довольства и блаженства, которое испытываетъ человекъ“ при удовлетвореніи потребностей его природы (конечно, рѣчь о высшихъ потребностяхъ). Но ни потребности ума, ни потребности сердца, ни потребности воли здѣсь, на землѣ, не удовлетворяются—слѣдуетъ раскрытіе этой мысли: „здѣсь (въ этомъ отношеніи) предлежать только подвиги, только борьба“: „о какомъ же счастьи мечтаете вы, странникъ земли?“ Но въ 1862 году Макарій говорилъ, на тотъ же день, слово „о содѣйствіи счастья ближнихъ“ (ibid. 495 и дал.). Въ чемъ выражается это содѣйствіе? Въ отношеніяхъ къ ближнему, основываемыхъ прежде всего на законѣ справедливости (долгъ къ ближнимъ, налагаемый на насъ природою), а потомъ на законѣ любви (долгъ, налагаемый на насъ христіанствомъ). „Всѣ ближніе наши имѣютъ права, охраняющія ихъ личность, дѣятельность, достоинство (послѣднее означаетъ „блага вещественныя“): не нарушайте ихъ“— это одинъ изъ элементовъ, утверждающихъ счастье ближнихъ, но элементъ высшій; элементъ же высшій составляеть любовь. Но во всякомъ случаѣ проповѣдникъ въ этомъ словѣ говоритъ о препятствіяхъ счастью *на землѣ* и о средствахъ преодоленія ихъ. Если „жизнь наша (фактически) и безъ того исполнена бѣдъ и скорбей; если земля, оскверненная грѣхами, и безъ того приноситъ намъ много терній, уязвляющихъ насъ, то зачѣмъ мы еще увеличиваемъ число ихъ, вмѣсто того, чтобы улаживать горести жизни взаимными усиліями и содѣйствіемъ?“ Стало быть во всякомъ случаѣ счастье и на землѣ можетъ быть, если ему можно то содѣйствовать, то противодействовать!—Однако, должно сказать, это не взаимно противорѣчащія проповѣди у Макарія: рѣчь въ одномъ случаѣ—о счастьѣ безусловномъ; въ другомъ — объ относительномъ. Наша жизнь на небѣ и, разумѣется, человекъ лишающійся жизни отъ руки ближняго можетъ не терять отъ того ничего въ будущей жизни. Но требуется ли непрежнею для полученія счастья вѣчнаго несчастье временное? Вотъ чего не утверждаетъ Макарій, если сравнивать объ проповѣди его, а слѣдовательно (какъ то и на дѣлѣ), онъ не отрицаетъ права заботиться и о предотвращеніи несчастій относительныхъ. Это же, какъ извѣстно, допускаетъ и церковь (молитвы объ избавленіи напрасной смерти, глада, губительства, труса и потона). Такимъ образомъ: „заключить поиски *счастья* здѣшнимъ — это не по христіански“: содержаніе первой изъ указанныхъ проповѣдей. Причинять *несчастье* здѣсь, хотя бы то и по идеѣ (какъ знать: могутъ найтись и такіе мыслители!) ничтожества здѣшняго *счастья* — также дѣло нехристіанское: это содержаніе второй проповѣди. Этимъ Макарій какъ бы исправляетъ иначе встрѣчающійся недостатокъ сужденій объ этомъ предметѣ. Этотъ

на землѣ, и для вѣчнаго блаженства на небеса^{*)}. Но ужели счастье народа составляютъ условія того быта, котораго такъ ярко очерчивалъ Иннокентій, и наличность котораго едва ли отрицать сталъ бы и Макарій? (Ср. сейчасъ приведенную выдержку Макарія). И вотъ Макарій учитъ, что и народу для незапрещеннаго счастья на землѣ потребно то же самое, изъ чего слагается земное благоустройство всѣхъ другихъ людей. Это—христіанство, которое народъ мало знаетъ, и человѣческое образованіе, и что умноженіе земнаго благополучія никогда ничуть не повредитъ спасенію души каждаго отдѣльнаго человѣка, какъ это не вредитъ, конечно, классамъ людей, на долю которыхъ не выпали многочисленныя бѣдствія и страданія. „Вѣра, живущая въ нашихъ меньшихъ братіяхъ, поддерживаетъ ихъ на ихъ скорбномъ пути, даетъ силы съ бодростію нести тяжкое бремя отъ колыбели до гроба“. Даже болѣе того: „голосъ науки (помимо вѣры) остался бы чуждымъ и непонятнымъ для простыхъ людей“. Но, можетъ быть, не лучше ли оставить поэтому народъ при однихъ утѣшеніяхъ вѣрою? Нѣтъ. По Макарію, какъ мы знаемъ, „не одно, а два блага (Самъ) Господь даровалъ намъ въ Своей благодати: разумъ и Откровеніе, или науку и христіанство“. Поэтому съ одной стороны и Макарій, конечно, признаетъ, что, „тотъ не живетъ полною человѣческою жизнію, кто довольствуется одною наукою и отвергается христіанства“. Но съ другой и „эта (полная человѣческая) жизнь для того лишь доступна во всей своей широтѣ, лишь тотъ способенъ всецѣло исполнить свое человѣческое призваніе, и какъ сынъ земли, и какъ будущій гражданинъ неба, кто нераздѣльно пользуется и естественными пособіями науки, и сверхъестественными пособіями христіанства“. Или, какъ Макарій въ другомъ мѣстѣ выражался, „пусть наука укажетъ всѣ

недостатокъ заключается въ томъ, что думаютъ, будто изъ мысли, что истинное (всесовершенное) счастье—не здѣсь, непремѣнно слѣдуетъ, что несчастье здѣсь (бѣдствія жизни) не можетъ быть предметомъ вниманія душъ горная мудрствующихъ и сознающихъ себя странниками и пришельцами, и что забота объ устраненіи здѣшняго несчастья, иначе—забота о счастье здѣшнемъ, уже тѣмъ самымъ выразитъ беззаботность о счастьѣ безусловномъ: это — не вѣрно.

*) Слова, 655. 704.

пути къ возможному на землѣ счастью, и приготовить насъ для борьбы съ бѣдствіями неизбѣжными, а вѣра наставитъ и вразумитъ, въ чемъ собственно можетъ состоять счастье, доступное человѣку-христіанину на землѣ“. А по сему какъ бы послѣднѣйшее пожеланіе для человѣка христіанина должно составлять слѣдующее: „да поможетъ Господь всѣмъ намъ при свѣтъ вѣры и науки успѣшно совершить наше земное странствование, а за тѣмъ удостоиться и вѣчно блаженной жизни на небеси!“³⁰). Эта же тенденція, что народная нравственность и христіанскія обязанности народа не требуютъ того, чтобы народъ былъ лишенъ блага просвѣщенія научнаго или блага матеріальнаго, проглядывала въ проповѣдничествѣ Макарія и въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось опредѣлять значеніе реформъ для народной жизни. Такъ Макарій (въ противоположность Іоанну Соколову) сочувственно относится и къ реформѣ Петра, потому что она положила начало просвѣщенію массы народа. Въ понятіе объ улучшеніи быта включаетъ не только „личную независимость“, но и „право собственности, такъ необходимое въ жизни“; поэтому въ свое время онъ приглашала „удѣлить крестьянамъ участки земли, и все это соразмѣрить такъ, чтобы положеніе крестьянъ сдѣлалось дѣйствительно лучше, а не хуже“, рѣшить вопросъ „человѣчнѣе и ближе къ духу христіанства“, то есть „не заботиться только о томъ, какъ бы болѣе обезпечить самихъ себя и какъ бы менѣе удѣлить крестьянамъ и наложить на нихъ тягчайшія условія“,—рѣшить вопросъ такъ, „чтобы можно было сказать: его рѣшали не только люди истинно образованные и благородные, но истинные христіане, къ чести своего вѣка и своей страны“. Макарій, какъ мы упоминали, жаждетъ и образованія для народа опять по-

³⁰) Ibid. 636. Слова вилен. 75—6. Наклонность проповѣдниковъ вести массы къ вѣчному спасенію (конечно, мы не хотимъ сказать, что это всегда бываетъ такъ) непремѣнно устрояя отъ правъ на земное благополучіе, но безъ отчужденія отъ этого благополучія самихъ себя, жестоко быда осмѣяна Еразмомъ Роттердамскимъ въ его „похвалѣ глупости“.—Позволимъ себѣ прибавить къ сказанному выше, что однако же у русскихъ проповѣдниковъ, какъ людей, кои сами вышли изъ массы, кажется, мало можно замѣтить наклонности, подмѣченной знаменитымъ гуманистомъ.

тому, что настоящее состояніе народа заставляетъ желать многихъ улучшеній въ жизни семейной, общественной и гражданской³¹⁾. Здѣсь для сравненія напомнимъ, что такое истинно нравственное отношеніе къ народной жизни не всегда выдерживаютъ даже тѣ, кои считаютъ себя обязанными размышлять о внѣшнемъ бытѣ народа въ качествѣ призванныхъ (болѣе или менѣе) радѣтелей народа: правственныя, даже христіански-правственныя, отношенія къ народу, какъ и благо народа, понимается въ неприкосновенности вопроса о его бытѣ, какъ дѣлѣ для истиннаго блага будто бы совершенно безразличномъ. Отстраняя же народъ, напримѣръ, тотъ же Гоголь отъ просвѣщенія общечеловѣческаго, въ непонятномъ стремленіи будто христіанское совершенство не можетъ гармонировать съ просвѣщеніемъ народа, и можетъ вредить добродѣтели народной. Народу, будто бы, „не слѣдуетъ и знать, есть ли какія книги, кромѣ святыхъ“, то есть церковныхъ³²⁾. Какъ это не согласно съ Макаріемъ, признававшимъ за народомъ рѣшительно одинаковое право на всякое духовное благо, на которое имѣетъ право и всякій человѣкъ: меньшая братія для него потому только меньшая, что она, по неисповѣдимымъ предначертаніямъ, не сравнялась еще съ братією старшей; но сравняться ей съ христіански этической стороны ничто не можетъ препятствовать. И очевидно, если знаніе другой книги для народа кромѣ священной будетъ зло; то оно таково же будетъ и для всѣхъ другихъ людей; а если—добро, то и для народа будетъ добро. Въ развитіи самосознанія народнаго Макарій видѣлъ благо народа, а не въ выдѣленіи его въ особый духовный типъ, исключительнымъ достоинствомъ котораго должно быть смиреніе, то есть наибольшая терпѣливость ко всякимъ невзгодамъ. „Въ самосознаніи, говорилъ Макарій, первое условіе для правильнаго хода жизни и дѣятельности, какъ у человѣка, такъ и у (цѣлаго) народа“—изъ котораго, конечно, не можетъ же быть выдѣленъ классъ „простога народа“, съ столь неяснымъ признакомъ, каково изобиліе внѣшнихъ тягостей и бѣдствій!—„въ самосознаніи первое условіе для искоре-

³¹⁾ Слова, 420—26. 542.

³²⁾ Сочин. т. III, стр. 453.

ненія погрѣшностей и недостатковъ, для развитія и усовершенствованія способностей и силъ, для образованія и укрѣпленія личныхъ, своеобразныхъ характеровъ. Само-сознаніе народа есть какъ бы его душа, его внутренняя сила, не только моральная, но и физическая, способная поддержать народъ въ самыя критическія минуты и подвигнуть его къ самымъ героическимъ подвигамъ³³⁾. Почему же, стало быть, нужно прятать отъ народа то, что не прячется же отъ другихъ? Но знаменитый парадоксъ Гоголя, кажется, не забыть всеми еще и теперь, а онъ только и требуетъ, что забвенія. Повторимъ: „церковь ревнуетъ о благороднѣйшихъ потребностяхъ народа“: стало быть ничто благородное но должно быть и скрывается отъ народа! Если „сердце ваше исполнено христіанскою любовью, то старайтесь *возвышать* меньшихъ братій *до себя*“, а не ограждайтесь отъ нихъ: вотъ принципъ Макарія.

Макарій, какъ мы знаемъ, утверждалъ, что вѣра, т. е. христіанство, учитъ насъ и тому, что мы должны дѣлать въ быту общественномъ, слѣдов. онъ признаетъ право на существованіе проповѣдей и по общественнымъ вопросамъ, изъ которыхъ, конечно, исключить нельзя и вопросовъ, соприкасающихся съ предметами чисто государственными—такъ назыв. политическими. Въ сороковыхъ годахъ русская интеллигенція выражала чрезвычайное недовѣріе къ русской проповѣди по вопросамъ общественнымъ, признавая за нашей проповѣдью возможность одного содержанія: защищеніе и превозношеніе дѣйствительности, какова бы она ни была. Такъ образованнѣйшій и благороднѣйшій человекъ (не говоримъ о томъ, что это былъ истинный христіанинъ) Ю. О. Самаринъ смущался той „тучей недоразумѣній, которая стоитъ (у насъ) между церковью и вѣрующими“, и въ число этихъ недоразумѣній включалъ и то, что мнѣнія по общественнымъ вопросамъ, провозглашаемая съ кафедры, принимаются русской интеллигенціей какъ *ученіе церкви* какъ божественнаго установленія, а между тѣмъ, будто бы, какъ скоро эти мнѣнія будутъ признаны ученіемъ церкви, прямое слѣдствіе этого то, что церковь, чрезъ церковную кафедру, провозглашаетъ недопустимость усовершенствованій

³³⁾ Слова, 652.

въ быту общественномъ ³⁴⁾. Не очень, конечно, громкій голосъ съ кафедръ Макарія слышался однако такъ, что Макарій едва ли оказывался въ числѣ тѣхъ, кого могли имѣть въ виду хотя бы тогдашніе славянофилы. Можно подумать, что взгляды Макарія на общество, какъ на руководимое, въ отношеніи къ своимъ *порядкамъ*, непосредственно рукою Провидѣнія (о чемъ была рѣчь выше), поведеть къ отрицанію возможности совершенствованія общества и вообще къ отрицанію участія творчества человѣческой мысли на этомъ поприщѣ. Но этого вывода у Макарія нѣтъ, разумѣется потому же самому, почему не можетъ быть отрицанія совершенствованія человѣка при признаніи промышленности о человѣкѣ. Какъ въ своей Догматикѣ, и въ проповѣдяхъ Макарій говорилъ, что „наши гражданскія обязанности возложилъ на насъ Самъ Господь Богъ не въ томъ только смыслѣ, что онѣ начертаны, по своимъ кореннымъ началамъ, въ законѣ совѣсти, данномъ отъ Бога, а и въ томъ, что онѣ ясно предписаны намъ въ божественномъ, въ сверхъестественномъ Откровеніи“, и онъ перечисляетъ эти обязанности: повиновеніе Верховной Власти, несеніе извѣстныхъ повинностей, взаимныя обязанности лицъ разныхъ сословій. „Скажешь ли, что въ Откровеніи изложены только главныя и общія наши гражданскія обязанности? Правда“, соглашается проповѣдникъ: „но изъ этихъ главныхъ выводятся и всѣ прочія, излагаемая въ кодексѣ гражданскомъ“ ³⁵⁾. Стало быть, подлежитъ ли общественной христіанской мысли и дѣятельности что либо иное, кромѣ заботы о наиболѣе полномъ соотвѣтствіи кодексу? Но здѣсь-то, говоримъ, Макарій и не дѣлаетъ такихъ выводовъ, какіе часто

³⁴⁾ Въ предисловіи къ сочиненіямъ Хомякова, Москва, 1879, т. II, стр. 18, Самаринъ говорилъ: „принявъ комплименты, произносимые въ табельные дни, за догматы, риторикъ за ученіе, лесть за исповѣданіе, невѣріе успѣло убѣдить многихъ, что церковь не только благословляетъ идею государства, то есть народный союзъ подъ общепризнанной властію, но освящаетъ будто бы одну изъ формъ гоударственнаго союза за исключеніемъ всѣхъ другихъ“. Изъ этого, по мысли Самарина, и выходятъ то, что многіе думаютъ, „будто церковь отановится понерегъ всякому политическому прогрессу, заранѣе осуждая его какъ посягательство на божественную заповѣдь“.

³⁵⁾ Ibid. 477—78.

дѣлаются, а если и дѣлаеть, то не въ той односторонности, какая возбуждала къ себѣ недовѣріе къ ученію церковной каеодры о вопросахъ права и общественнаго быта. Простѣйшій примѣръ этого отсутствія односторонности слѣдующій: „наши жребіи на землѣ, наши положенія въ обществѣ“—предопредѣлены. „Творецъ располагаетъ обстоятельствами нашей жизни такъ, что мы занимаемъ то или другое служеніе“. Что же—всякое покушеніе измѣнить свое общественное положеніе есть, опять, противленіе Промыслу? Нѣтъ, такое приложеніе дѣлалось, но Макарій обращаетъ вниманіе на другую сторону. У него приложеніе о распределеніи жребіевъ слѣдующее: если такъ, то, говоритъ проповѣдникъ, „ужели же потому, что я родился въ извѣстномъ сословіи и занимаю извѣстную ступень въ лѣстницѣ общественной, я въ правѣ пренебрегать моимъ собратомъ, занимающимъ иное мѣсто? Это значило бы оскорблять не ближняго нашего только, а Самого Бога, распредѣлителя нашихъ судьбъ“. „Самыя высшія сословія не въ правѣ *не уважать* нисшихъ и служебныхъ“³⁶⁾. То есть, истинно христіанское отношеніе къ факту разности людей по общественному положенію требуетъ не столько наблюденія надъ ближнимъ, сколько наблюденія надъ нашими отношеніями къ ближнему, ибо „вѣра внушаетъ намъ, что отъ какого бы корня мы ни происходили, мы все безразличны во Христвѣ“. Тоже и объ отношеніи къ кодексу гражданскому: при указанномъ отношеніи къ этому кодексу, Макарій однако же однажды замѣчалъ: „не та наша мысль, будто человѣкъ чрезъ исполненіе однихъ гражданскихъ законовъ можетъ сдѣлаться истиннымъ сыномъ церкви, воплиѣ угодить Богу, и чрезъ то достигнуть вѣчнаго спасенія: нѣтъ, этого не

³⁶⁾ Ibid. 491—2. И Макарій, не стѣняясь, такъ сказать, смотрѣть прямо въ глаза дѣйствительности, обращается къ довольно тривиальному, на иной взглядъ, вопросу о желудкѣ, чтобы немножко смягчить понятія о разности высшихъ и нисшихъ органовъ тѣла, сравненіемъ съ каковыми обыкновенно доказывается разность между общественными классами. Онъ говоритъ: „въ правѣ ли даже благороднѣйшіе члены тѣла пренебрегать нисшими и служебными? Желудокъ, безъ сомнѣнія, не имѣетъ такого высшаго значенія въ составѣ организма, какъ голова съ ея мозгомъ. Но на чемъ бы опиралась жизнь тѣла, чѣмъ поддерживались бы отправленія прочихъ членовъ безъ отправленій желудка? Такъ и въ быту общественномъ!“

скажетъ никто!“³⁷⁾ Очевидно, этимъ Макарій желаетъ предупредить излишества въ умозаключеніи о религіозной обязательности повиновенія человѣческимъ кодексамъ: религія не состоитъ изъ одного этого повиновенія, и не дѣлаетъ справедливымъ положенія обратнаго тому, что христіанинъ есть въ тоже время хорошій гражданинъ³⁸⁾. Макарій въ своихъ проповѣдяхъ разумѣется не допускаетъ и тѣни того, чтобы кто нибудь имѣлъ право видѣть въ немъ притязанія на какую нибудь реформу общественнаго русскаго строя того времени: для него власть какъ принципъ и какъ фактъ священна; и проповѣди Макарія, въ особенности первой половины его дѣятельности, когда онъ касался общественныхъ вопросовъ, не отступаютъ отъ обычнаго типа, если можно такъ выразиться, политическихъ проповѣдей того времени: содержаніемъ ихъ служить въ принципиальномъ отношеніи защита того положенія, что фактическій порядокъ долженъ быть почитаемъ не только за страхъ, но и за совесть, что союзъ церкви съ государствомъ есть начало

³⁷⁾ Ibid. 72.

³⁸⁾ Одною изъ причинъ недовѣрія къ русской проповѣди времени указаннаго было и то, что многіе считали у насъ церковь какъ бы предоставившей себя на служеніе государству и притомъ далеко за предѣлы теоріи благотворнаго союза церкви съ государствомъ. Въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, въ особенности слышались упреки опять со стороны славянофиловъ раннѣйшей генерациі. Что въ проповѣдяхъ дѣло, конечно, было не безъ излишествъ, этого отрицать нельзя. У самаго Макарія въ одной изъ проповѣдей сороковыхъ годовъ встрѣчается мысль, что „истиннымъ сыномъ отечества можетъ быть только истинный сынъ церкви“ (Слова, 74. Сравн также Слов. стр. 93: „смѣло можно утверждать, что истинными патриотами могутъ быть только истинные христіане“, а также ibd. 37: „истинныхъ патриотовъ образуетъ одно христіанство“. Если въ приведенномъ выраженіи понимать дѣло такъ, что только православный (ибо, вѣдь, напирѣвъ, лютеранинъ не можетъ же быть названъ истиннымъ сыномъ церкви) есть истинный сынъ церкви; то слово: *только* должно будетъ признать этимъ излишествомъ, хотя встрѣчавшимся въ это время не у одного только Макарія. Такъ А. В. Горскій въ началѣ пятидесятихъ годовъ упрекалъ Филарета Гумилевскаго, тогда епископа Харьковскаго, даже за мысль болѣе общаго характера, выраженную въ проповѣди его, но какъ видимъ, почти буквально повторяемую и Макаріемъ, что „полезные члены государству даются *только* христіанствомъ“. И Филаретъ соглашался съ этимъ замѣчаніемъ: „если сказано: *только*, то это слово лишнее“. (См. Приб. къ Твор. Св. Отцевъ, ч. 36, стр. 438).

благотворное для жизни христіанской, а что желательнѣе прежде всего, такъ это индивидуальное каждаго усовершенствованіе; иногда онъ при этомъ касается, повидимому, слышавшихся въ обществѣ пожеланій для современнаго общественнаго быта ³⁹⁾. Основаніемъ, почему катедра церковная даже *не должна*, не только не можетъ, походить на своего рода политическую трибуну, Макаріій видѣлъ, конечно, въ томъ, что Христось, хотя „возродилъ человѣчество въ отношеніи гражданскомъ или общественномъ“, однако „не имѣлъ въ виду измѣнять и преобразовывать гражданскія общества, не указалъ какихъ либо новыхъ, лучшихъ формъ государственнаго управленія“, въ какомъ единственно случаѣ только и возможно было бы ученіе объ этомъ съ церковной катедры. Но опять все это не есть знакъ и того, что христіанскія общества должны руково-

³⁹⁾ Напримѣръ: „чѣмъ сталъ бы ты оправдывать свою холодность къ отечеству? Укажешь на суровую строгость своихъ начальниковъ, на непогрѣбную тяжесть ихъ порученій и требованій, на жестокость ихъ взысканій и тому подобное?“ (Слов. 96—97). Можетъ быть это имѣло отношеніе къ мнѣніямъ объ этомъ времени какъ о „вѣкѣ желѣзномъ“, по выраженію Пушкина, и вообще къ тѣмъ мнѣніямъ, которыя уже гласно высказывались въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ; но можетъ быть это лишь обычный проповѣдническій пріемъ, въ средніе вѣка называемый: *inbium*.—Радость свою о соединеніи церкви съ государствомъ Макаріій выражаетъ въ проповѣди 1845 года, Слов. 68 и далѣе. Славянофильскій упрекъ о поставленіи вѣры въ служебное отношеніе къ государству можетъ казаться заслуживающей проповѣдь Макарія 1850 года, 6 дек. Одна изъ мыслей этой проповѣди: *полезность* вѣры по отношенію къ жизни гражданской. „Не возможно безъ вѣры быть истиннымъ гражданиномъ“. „Отнимите эти убѣжденія у членовъ общества (именно убѣжденія въ томъ, что „каждому предназначается свыше определенное служеніе въ обществѣ и что *поэтому* всѣ обязаны съ полнымъ усердіемъ каждый подвизаться въ своемъ званіи“): и вы лишите ихъ самаго существеннаго и необходимаго въ быту гражданскомъ“, говорилъ Макаріій. (Слова, 171—2). Выводъ, конечно, слѣдуетъ тотъ, что государство *поэтому* должно поддерживать религіозныя установленія какъ полезныя и для него самого, или—по теоріи взаимныхъ услугъ; и случалось, что въ проповѣдяхъ того времени это прямо и было высказываемо. Сравн. также слово 1849 года о значеніи благочестія для процвѣтанія отечества (Слов. 140 и дал.): „безъ этого средства всѣ другія или вовсе недостаточны, или, по крайней мѣрѣ мало надежны“. Но извѣстно, что ни что такъ не возмущало славянофиловъ, какъ точка зрѣнія на религію со стороны полезности ея въ государственномъ быту. Такъ Самаринъ между прочимъ высказывалъ такія мысли:

дѣться такимъ принципомъ, что всякое совершенствованіе гражданскаго быта противно христіанству: напротивъ—вполнѣ согласно, христіанство этому благопріятствуетъ, дѣйствительно этотъ бытъ усовершенствуетъ, хотя совершенствованіе это и идетъ другими путями, чѣмъ многіе обыкновенно думаютъ: вотъ, такъ сказать, государственное ученіе Макарія. Мы уже приводили мнѣніе Макарія о томъ, что церковь существуетъ на землѣ для того, чтобы вести народъ къ нескончаемому совершенствованію,—только, прибавляетъ Макарій, „для всякаго улучшенія нужны не слова, не одни слова!“ Страшно, конечно, было бы видѣть въ этомъ мнѣніи Макарія отрицаніе миссіи церкви для *вѣчнаго* спасенія и искать въ этихъ словахъ противорѣчія его мысли, что Христомъ намъ не заповѣдано какой либо реформы общественнаго устройства, ибо конечно улучшеніе, усовершенствованіе всегда болѣе или менѣе и обозначаетъ реформу. Но въ возможности соглашенія обѣихъ задачъ, подлежащихъ церкви, то есть вести къ усовершенствованію на землѣ и въ то же время къ вѣчному спасенію, мы убѣдимся, если обратимъ вниманіе на то, *какъ*, по мысли Макарія, истинное христіанство, сохраняемое и возвѣщаемое церковью, совершенствуется и общественный бытъ. Христіанство не разсуждаетъ о формѣ общественнаго устройства; но „христіанство какъ религія, внушающая намъ заботиться о душѣ и объ *усовершенствованіи* ея силъ, *способствуетъ развитію и процвѣтанію всякаго рода на-*

чѣмъ объясняется упадокъ довѣрія къ церкви? Обстоятельствами многими. Но „во главѣ этихъ обстоятельствъ стоялъ всемія бросавшійся въ глаза фактъ подчиненія вѣры вѣншиимъ для нея цѣлямъ узкаго консерватизма. Когда консерватизмъ даетъ чувствовать всемія и каждому, что онъ дорожитъ вѣрою ради той службы, которую она несетъ для него: тогда очень естественно въ обществѣ зарождается мнѣніе, что много отъ вѣры и ожидать нельзя, и что дѣйствительно таково ея назначеніе. Это убиваетъ всякое уваженіе къ вѣрѣ“. „Вѣра воспитываетъ терпѣніе, самопожертвованіе, и обуздываетъ личныя страсти—это такъ; но нельзя прибѣгать къ ней только тогда, когда страсти разыгрываются и только для того, чтобы кого-нибудь урезонить или пристрашать расправою на томъ свѣтѣ... Вѣра служить только тому, кто искренно вѣритъ; а кто вѣритъ, тотъ уважаетъ вѣру; а кто уважаетъ ее, тотъ не можетъ смотрѣть на нее какъ на средство. Требованіе отъ вѣры какой бы то ни было службы есть ничто иное, какъ проповѣдь невѣрія“ (ibid. 5—6; ср. 11—12).

умъ и знаній въ человѣческомъ родѣ“. Посему „нынѣ самыя просвѣщенные націи въ мірѣ суть христіанскія“. Христосъ „не указалъ формъ управленія“: „по Онъ возвѣстилъ міру новыя и совершеннѣйшія понятія о взаимныхъ обязанностяхъ мужа и жены, о взаимныхъ обязанностяхъ государей и подданныхъ, властей и подчиненныхъ; Онъ заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ самое высшее уваженіе, самую глубокую справедливость, самую всестороннюю любовь во всѣхъ вообще отношеніяхъ (людей) другъ къ другу, на какомъ бы поприщѣ жизни они ни дѣйствовали и не встрѣчались. И эти то понятія, *эти новыя начала*, истинно гуманныя или человѣчныя, мало по малу проникая въ теченіе вѣковъ въ законодательства и въ самый строй жизни христіанскихъ народовъ, произвели наконецъ то, что нынѣ народы христіанскіе далеко превосходятъ всѣ другіе и своею гражданственностію и своимъ государственнымъ бытомъ“⁴⁰). Итакъ, совершенствованіе при свѣтѣ христіанскаго просвѣщенія и осуществленіе въ жизни христіанской этики—вотъ общественный идеалъ Макарія, который онъ основываетъ на самыхъ началахъ христіанства. Макарій не говоритъ, что въ бытѣ христіанскихъ народовъ можно удовольствоваться тѣмъ, чего они достигли: достигли они пока только превосходства предъ нехристіанскими народами, а превосходство не означаетъ еще абсолютнаго совершенства. Не достигли же потому, что не осуществили вполнѣ коренныхъ началъ единственной въ мірѣ этики, ведущей къ общественному усовершенствованію,—начала которой Макарій формулируетъ какъ ученіе „о любви къ ближнимъ, какъ новой заповѣди и великомъ благѣ“.—Съ этой точки зрѣнія проповѣдникъ смотрѣлъ и на факты исторіи (нашей), и на факты дѣйствительности: гдѣ нѣтъ стремленія такъ или иначе утвердить началомъ общественной жизни новую заповѣдь, гдѣ нѣтъ просвѣщенія, тамъ нѣтъ совершенствованія, а гдѣ есть совершенствованіе, и тамъ мѣрою служитъ именно это, и ни что другое. Отсюда же, кажется, должно сказать, что и такъ называемые общественные идеалы Макарій усматривалъ обыкновенно не позади исторіи, какъ то свойственно людямъ наклоннымъ къ пессимизму,

⁴⁰) Слова, 602.

а впереди исторіи, отчего расходился съ мнѣніями очень распространенными. Такъ онъ не идеализируетъ общественный и нравственный бытъ древней Руси, и именно потому, что здѣсь были только слабыя признаки общественной христіанской этики и просвѣщенія. Монгольское иго—это, по Макарію, наказаніе за то, что „сыны Россіи прогнѣвали Бога особенно отсутствіемъ между ними взаимной христіанской любви, взаимною ненавистію. Княжества почти постоянно воевали; войны отличались крайнею жестокостію; русскіе, казалось, забывали даже, что они христіане, варварски разоряя свои же русскіе города и умерщвляя жителей“⁴¹⁾. Отсюда, конечно, происходило, какъ мы знаемъ, и его сочувствіе реформамъ императора Александра, ибо эти реформы были совершенствованіемъ по началамъ просвѣщенія и гуманности. Отсюда же его сочувствіе Петру I, который хотѣлъ „пересоздать землю русскую по образцу просвѣщеннѣйшихъ странъ Европы“, „сблизить ее съ образованнымъ западомъ и черезъ то пересадить на свѣжую почву Россіи сѣмена всѣхъ благодѣтельныхъ учрежденій, *содѣйствующихъ усовершенію человечества*“. И это Макарій говорилъ и въ половинѣ сороковыхъ, и въ половинѣ шестидесятихъ годовъ, въ послѣднемъ случаѣ только выражая опасеніе, чтобы въ наши дни не повторилось то, что было при Петрѣ, когда „сами русскіе не сочувствовали пововведеніямъ, не понимали ихъ, даже противодѣйствовали имъ тайно и явво чѣмъ и какъ могли“⁴²⁾. Вообще въ петровской реформѣ Макарій

⁴¹⁾ Слова москов. 23—24.

⁴²⁾ Слова, 48, 618. Замѣчательно здѣсь то, что Макарій во взглядѣ на Петра въ отношеніи къ просвѣщенію былъ діаметрально противоположенъ Іоанну (околову). Тутъ, конечно, было еще различіе во взглядѣ на значеніе такъ называемой народности (о чемъ ниже). Но во всякомъ случаѣ Іоаннъ относительно малый успѣхъ реформы Петра и его современниковъ объяснял не обстоятельствомъ сожалѣнія достойными, а ошибками самого Петра, которыя какъ бы оправдываютъ даже противодѣйствіе, о которомъ говоритъ Макарій. „Народное просвѣщеніе, говорилъ Іоаннъ, въ 1858 году, тогда только плодотворно, когда удовлетворяетъ основнымъ потребностямъ *народности*“. Иначе „или просвѣщеніе не пристасть къ народу, или народъ увлекается чуждымъ духомъ образованія, и тогда отдѣляется отъ своей народности и становится чуждъ самому себѣ. Когда великій преобразователь Россіи захотѣлъ въ что бы то ни стало вѣдрить въ наше отечество *иноземное просвѣщеніе* не разбирая

не видѣлъ ничего съ интересами христіанскаго совершенствованія несогласнаго и православному русскому народу противнаго. „Уроги исторіи, замѣтилъ однажды Макаріій, — самые сильные и непререкаемые уроки“! И вотъ съ точки зрѣнія этихъ уроковъ въ новый 1865 годъ Макаріій приглашалъ, такъ сказать, не повторять ошибокъ предковъ и бесполезно не сопротивляться явной необходимости искать иныхъ путей въ направленіи общественной жизни, когда прежніе не оказались надежными, — быть консерваторами и въ то же время не упрямясь въ мысли, что только то, что есть или что было достойно вниманія. „Что такое, сыны Россіи, эти новыя узаконенія, которыя такъ быстро, одни за другими, исходятъ на насъ отъ престола Государя? Не погрѣшимъ, если назовемъ ихъ виномъ новымъ (текстомъ проповѣди взято: Лук. V, 37), точно также какъ не погрѣшимъ, если сознаемся, что мы то сами представляемъ въ гражданскомъ отношеніи мѣхи ветхіе. Да, много въ насъ крайне ветхаго! Это застарѣлая привычка жить такъ, какъ жили наши отцы и дѣды безъ всякаго различія того, что было у нихъ добраго, что худаго, что слѣдуетъ сохранять и улучшать и что слѣдовало бы давнымъ давно оставить,

его духа и не слишкомъ заботясь о духѣ своего народа: что вышло? Народъ раздѣлился“... И Иоаннъ указываетъ на двѣ раздѣленныя половины, выразителями которыхъ служатъ: общество, къ которому европейское просвѣщеніе првстало, но не создало въ Россіи совершенства общественнаго быта, и — русскій расколъ. (Прав. Собес. 1859, ч. I. стр. 80). Слѣдовательно разность во взглядахъ Макарія и Иоанна можно представить такъ: по Макарію, просвѣщеніе, разъ оно истинное, всегда благотворно для государственной жизни и должно быть усвоваемо; по Иоанну — просвѣщеніе не есть ничто безусловное, а есть, такъ сказать, просвѣщеніе *для насъ* и не для насъ, и потому годное и негодное. Правда, и Иоаннъ смягчаетъ это въ пожеланіи образовать „русское просвѣщеніе“ съ тѣмъ, чтобы оно было „просвѣщеніемъ общечеловѣческимъ, но возрожденнымъ въ *русскомъ* духѣ, — просвѣщеніемъ народнымъ, но развитымъ и возвышеннымъ до общечеловѣческихъ идей“ (ibid. 85). Но что же тогда значила жалоба на попытку Петра ввести иноземное просвѣщеніе? Ужели въ самомъ дѣлѣ онъ вводилъ иноземное откинувъ общечеловѣческое? — По нашему мнѣнію Макаріій оказывается въ пониманіи этого вопроса естественнѣе: онъ объявляетъ оппозицію Петру не иноземностію просвѣщенія, имъ вводимаго, а тѣмъ же самымъ, чего опасался Макаріій при введеніи реформы крестьянской: спесокорыстіемъ и эгоизмомъ, къ вопросу о народности или ненародности не имѣющимъ рѣшительно никакого отношенія.

есть истинная ветошь!“ „Разрозненность сословій“, „безучастность къ общественнымъ интересамъ“, „отсутствіе гражданскаго мужества“, „слабость только говорить объ общемъ благѣ и ничего не дѣлать:“ все это ветоши! „Да и можно ли перечислить все, что есть въ насъ ветхаго, никуда годнаго, и что необходимо намъ оставить, если желаемъ дѣйствительнаго обновленія нашего гражданскаго быта“?— Скажутъ: стало быть Макарій былъ самый обыкновенный „прогрессистъ“, какихъ тогда было много, лишь только повторявшій на каедрѣ то, что говорили газеты? Да, конечно, это было бы такъ, если бы можно было забыть, что Макарій (какъ мы указывали) таковымъ былъ еще и въ догматикѣ, если, конечно, вдуматься въ его догматику, да еще если бы можно было забыть то, что онъ желалъ прогресса не во имя того, что „такъ на западѣ“, и потопику, поколику это нужно для уравненія съ западомъ, а во имя все того же, что стремленіе осуществить „новую заповѣдь“ (если, конечно, мы считаемъ ее важною!) по Макарію не можетъ оставлять и русскаго человѣка на ступени быта времени монголовъ, которое онъ такъ безпристрастно охарактеризовалъ,—какъ равно желалъ этого прогресса потопику, поколику видѣлъ опять возможность большаго проявленія этой заповѣди, а не общественнаго комфорта.—Но, какъ извѣстно, почти во все время жизни Макарія, теоріи совершенствованія общественнаго задерживающимъ образомъ противопоставлялась другая теорія, раздѣляемая тогда людьми заслуживавшими глубокаго уваженія, но готовыми видѣть совершенство быта не тамъ, гдѣ видѣлъ Макарій: не въ будущемъ, а въ прошедшемъ. Разумѣемъ теорію такъ называемой „народности“, по которой, будто бы, пѣтъ объективнаго критерія для понятія о хорошемъ и не хорошемъ, а есть критерій согласія и несогласія съ духомъ народа, который (духъ) и толковался какъ кому угодно. И этой „народностью“ мѣрилось прежде всего достоинство просвѣщенія⁴³⁾. По Макарію признасть одно просвѣщеніе: общече-

⁴³⁾ Теорія народности проникла даже въ теорію проповѣди, въ гомилетику. Митроп. Филаретъ замѣтилъ о народности въ примѣненіи къ проповѣди слѣдующее: „что за народность въ церковномъ проповѣданіи? Церковь учитъ вся языки однимъ ученіемъ, примѣняя ученіе къ умствен-

ловѣческое христіанское, какъ и одну мѣру для оцѣнки народнаго благосостоянія и интересовъ благоустройства, именно—когда оно можетъ быть признано таковымъ вообще, то-есть для каждаго человѣка и для каждаго народа. Въ словѣ въ день столѣтняго юбилея Крылова Макарій говорилъ: „да воодушевляетъ же васъ эта святая любовь (какова она была въ Крыловѣ) ко всему отечественному, къ родному нашему слову, къ нашей родной странѣ и ко всемъ кореннымъ началамъ нашей народной жизни!... Русскими создалъ насъ Богъ: нашъ долгъ исполнить эту волю о насъ Творца, не измѣнять нашей природѣ. Развивайте же ваши силы и способности (обращеніе къ молодому поколѣнію), воспитывайте и укрѣпляйте ихъ во всемъ истинномъ, добромъ и прекрасномъ, обогащайте себя всякими познаніями *откуда бы они ни происходили*; старайтесь усвоить себѣ плоды общеевропейскаго, общечеловѣческаго образованія. Но зачѣмъ? прерываетъ себя проповѣдникъ, можетъ быть, чтобы не поселить подозрѣнія, что онъ приглашаетъ измѣнить своей русской природѣ. А „затѣмъ, отвѣчаетъ, затѣмъ, помните, чтобы *все добро* вами приобрѣтенное, принести въ жертву ей—вашей родной Матери—Россіи“⁴¹⁾. Едвали, поэтому, и Макарій, приглашающій къ усвоенію европейской науки, можетъ быть признанъ забывавшимъ интересы народности. Макарій не восхищается складомъ народной жизни, а скорбитъ о массахъ народныхъ, которыя не воспріимчивы къ улучшеніямъ: „онѣ не способны или мало способны понимать тѣ преобразованія и пововеденія, какія совершаются для нихъ“ же; но положи руку на сердце—какъ всякій образованный человѣкъ могъ восхищаться этимъ складомъ полстолѣтія тому назадъ? Не даромъ, какъ мы замѣчали и отчасти „народничествовавшій“ проповѣдникъ Іоаннъ Соколовъ, во всякомъ случаѣ мало западничествовавшій, пришелъ ни къ чему иному, какъ къ тому же призыву ко внутренней, христіански культурной миссіи среди народа. „Народъ, какъ и отдѣльный человѣкъ, говорилъ Макарій, раскрываетъ въ себѣ самосознаніе медленно, постепенно,

ному и нравственному состоянію человѣка, а не къ кафтану, тулупу или блузѣ!“

⁴¹⁾ Слова, 687.

частію чрезъ вниканіе въ самого себя и наблюденіе надъ самимъ собою, а преимущественно чрезъ изученіе своей прошедшей жизни и дѣятельности⁴⁵⁾). Выводъ ясенъ: ни исторія народа, ни его настоящее положеніе не есть мѣра добра: его опредѣляетъ вниканіе въ себя, самосознаніе, а не самопоклоненіе предъ фактами исторіи жизни народа, хотя бы и народа русскаго, богопосца.—Прилагая такую же мѣру къ современности Макарій если что одобрялъ или не одобрялъ, то никакъ не по тенденціи превосходства западнаго передъ русскимъ, или обязанности копировать факты древнерусскаго быта. Судъ присяжныхъ въ глазахъ проповѣдника не потому, что иноземецъ, достоинъ учрежденія (хотя по взгляду противоположному таковой будто бы уже потому самому, что онъ рапѣ явился не у насъ, не сроденъ русскому народу!), а земство желательно не потому, что оно напоминало древнерусское вѣче, давало мѣсто русской общинѣ и т. п., а просто потому, что проповѣдникъ надѣялся, что судъ такого устройства „можетъ обуздывать неправду и давать торжество правдѣ въ нашей жизни общественной“, а земство—потому, что надѣялся отъ него на искорененіе розниности сословій, вредной для общественнаго благосостоянія, и въ томъ числѣ благосостоянія народа⁴⁶⁾). Не западъ самъ въ себѣ и съ своими учрежденіями былъ идеаломъ проповѣдника, а царство христіанской правды, которую нужно „полюбить всѣмъ существомъ и неизмѣнно служить ей въ нашихъ душахъ, проявлять ее въ нашихъ словахъ и дѣлахъ“: это первое условіе, по оно не значило и того, чтобы непременно нужно было устра-

⁴⁵⁾ Ibid. 542. 652.

⁴⁶⁾ Можемъ отмѣтить здѣсь черту, невольно бросающуюся въ глаза при изученіи взглядовъ Макарія на разные общественные вопросы. Его взгляды или совпадали со взглядами лучшихъ свѣтскихъ писателей, или носили въ себѣ явное превосходство надъ послѣдними. Сходство съ Гоголемъ мы отчасти видѣли, хотя и разногласіе по нѣкоторымъ вопросамъ было велико. И Гоголь не идеализировалъ наши общественныя отношенія, понятія, нравы, на столько, чтобы не желать ничего въ этой области. Извѣстно замѣчаніе его, что „грустно видѣть Россію вблизи“, въ непарадной обстановкѣ. Призывъ Макарія къ мягкости и снисходительности напоминаетъ взглядъ Гоголя: „правъ только одинъ Богъ“. Но Макарій стоялъ, конечно, уже выше Нисемскаго, который находилъ, будто матеріальное благоденствіе народа вредно.

нять и то, что, по человѣческимъ чаяніямъ, хотя по возможности обуздываетъ неправду ⁴⁷⁾).

Любя русскій народъ и глубоко сочувствуя всѣмъ начинаніямъ къ усовершенствованію его внутренняго и внѣшняго быта, Макаріій любилъ и русское духовенство, какъ плоть отъ плоти народа, какъ сословіе, въ членахъ котораго нѣтъ ни единаго атома не вскормленнаго народомъ (Никаноръ); радовался всякому совершенствованію въ его бытѣ и защищалъ въ проповѣди отъ охотниковъ „налечь на духовенство, по выраженію одного изъ старшихъ современниковъ Макарія, подѣ предлогомъ заботы о православіи“⁴⁸⁾. Но при этомъ онъ опять глядѣлъ на дѣйствительность быта духовнаго сословія съ точки зрѣнія возможности или невозможности *жить просто*, что не значитъ жить бесполезно, — не возлагая на духовенство невозможныхъ задачъ и не обвиняя его въ неисполненіи задачъ для людей невыполнимыхъ. Примѣры того, что Макаріій желалъ видѣть въ духовенствѣ, мы отчасти указывали, упоминая о содержаніи его рѣчей въ женскихъ епархіальныхъ училищахъ, именно: не скрывая того, что внѣшняя доля духовенства не всегда завидна, онъ напоминалъ, что и въ этой долѣ могутъ быть выполняемы великія задачи при всей простотѣ средствъ и скромности общественнаго положенія: это — просвѣщеніе народа словомъ и примѣромъ. Никакихъ прещеній на духовенство ни при какомъ случаѣ у Макарія мы не найдемъ ⁴⁸⁾

⁴⁷⁾ Что не западничествованіе, а совѣтливое сознаніе народныхъ потребностей было причиной радости Макарія при пересажденіи къ намъ нѣкоторыхъ западныхъ учреждений, это должно призвать уже потому, что, напримѣръ, новое судоустройство лишь осуществило то, чего ранѣе желалъ и Иннокентій, когда говорилъ въ проповѣдяхъ подобное сказанному въ сочин. т. VI. стр. 67.

⁴⁸⁾ Можно подумать: обстоятельство слишкомъ не важное! Но въ прошломъ столѣтіи въ проповѣдяхъ Георгія Конисскаго встрѣчались рѣзкія упрёки духовенству за его дѣйствительныя, а болѣе всего мнимыя вины. Вотъ примѣръ изъ проповѣди на текстъ Мѡ. IX. 37: „много у насъ священниковъ, жателей духовныхъ! Нѣтъ и малаго прихода безъ священника. Если откроется праздно мѣсто, да еще по выгоднѣе: то и десять жнецовъ готовы съ серпами: по съ какими? Съ глаголомъ ли Божіимъ? Нѣтъ. Вмѣсто глагола Божія таковыя руки только, яко серпы, имѣють чужіе труды пожинающія“ (Соч. I. стр. 200). Предоставляемъ судить читателю о благотворности подобныхъ проповѣдей на прихожанъ!

Въ Вильнѣ, на примѣръ, собраны были нѣкоторыя средства въ пользу страждущихъ (въ 1876 году) славянъ: Макарій отмѣчаетъ „полное усердіе достойныхъ пастырей церкви, дѣйствовавшихъ и словомъ и собственнымъ примѣромъ“. Бѣдственное положеніе духовнаго учащагося юношества внѣшня неприглядность учебной обстановки его къ началу 60 годовъ были яснѣе бѣта Божьяго ⁴⁹⁾. Но находились люди, которые къ этому бѣдственному положенію считали себя въ правѣ относиться съ открытымъ презрѣніемъ, какъ будто бы образованіе и неприглядность наружности учебнаго заведенія и учащагося — одно и тоже. Въ этомъ отношеніи въ литературѣ особенно памятна, упомянутая выше, статья въ „Журналѣ землевладѣльцевъ“, слѣдовательно въ спеціальному органѣ просвѣщеннѣйшаго сословія ⁵⁰⁾. Проектируя открыть вмѣсто Духовныхъ Академій богословскіе факультеты, „куда могли бы быть принимаемы безъ различія

Митроп. Платонъ въ молодости не чуждъ былъ охоты уязвлять духовенство. Будучи девятинадцатилѣтнимъ катехизаторомъ, онъ въ катехизическихъ поученіяхъ выражался, что нынѣ „священнической соборъ дремлетъ, храплетъ, толстѣетъ,“ разумѣя, конечно подъ этимъ соборомъ приходское духовенство.

⁴⁹⁾ Въ началѣ текущаго столѣтія одинъ изъ архіереевъ, много трудившихся въ устрояніи Казанской Духовной Академіи, будучи ученикомъ Семинаріи, питался иногда отбросками съ кухни мѣстнаго монастыря, собираемыми имъ въ черепокъ! Не удивительно, что при такихъ условіяхъ митр. Филаретъ оставилъ намъ такое замѣчаніе: „вѣроятно скудость средствъ къ содержанію наставниковъ (семинарій) отбиваетъ охоту стремиться въ Академію. Поэтому, разборчивость (при приѣмѣ въ Академію) пожалуй не совсѣмъ у мѣста. Будемъ звать—и не пойдутъ къ намъ. Гдѣ ужъ искать добровольныхъ любителей духовнаго образованія?“ (См. Приб. къ Твор. Св. Отцевъ, ч. 35. 248).

⁵⁰⁾ Митр. Филаретъ жаловался на эту статью. Сущность этой статьи, какъ она передается Филаретомъ въ Собраи. отзыв. и мнѣній т. IV, стр. 366 — 62 слѣдующая: какой-то землевладѣлецъ проектировалъ, что „надѣленнымъ волею Божіею многочисленными семействами“ небогатымъ землевладѣльцамъ слѣдовало бы отпущать своихъ сыновей въ сельскіе священники. Но для этого, какъ извѣстно, нуженъ образовательный цезъ, получаемый только въ семинаріяхъ и академіяхъ. Что-же, въ самомъ дѣлѣ, ужели дѣтямъ изъ благовоспитанныхъ семействъ идти въ семинарію? Нѣтъ: „самое это названіе, по выраженію автора проекта, должно быть изгнано изъ русскаго языка: до того оно опошлѣло и омерзѣло,“ — нужно открыть богословскіе факультеты! Что-же дѣлать съ многочисленнымъ духовнымъ сословіемъ, конечно, не могущимъ воспользоваться факультетами, если-

состояній, оканчивающіе полный курсъ гимназическій“, статья объявляетъ, что теперешнія духовно-учебныя заведенія *совершенно не годны*. „Теперь навѣрное ни одинъ порядочный отецъ, дорожащій нравственностію своего сына, ни за что не рѣшится отдать его въ Духовную Академію, а тѣмъ менѣе въ семинарію“. И вотъ Макарій, нѣсколько лѣтъ спустя, по обычаю своему, мягко упрекаетъ русское общество въ этихъ походахъ противъ своего духовенства. „Нѣтъ сомнѣнія, говорилъ онъ по указанному прежде случаю, что многіе изъ васъ, если не всѣ, не разъ слышали недобрые отзывы о нашемъ духовномъ воспитаніи и образованіи. Многіе, можетъ быть, и сами не разъ изрекали слова порицанія и осужденія и на нашихъ духовныхъ воспитателей и воспитанниковъ. А многіе ли, скажите, принимали на себя трудъ разсудить о дѣлѣ безпристрастно и справедливо. Многіе ли относились къ вопіющимъ нуждамъ нашихъ духовныхъ училищъ съ живымъ сочувствіемъ и благожелательствомъ“? И вотъ всѣ случаи, когда Макарій видѣлъ явственный знакъ движенія къ усовершенію или споспѣшествованію духовнаго образованія, онъ считалъ случаями истинной радости. Таковы рѣчи его при открытіи Братства преподобнаго Сергія и по случаю преобразования харьковской семинаріи. Въ первомъ случаѣ онъ выражалъ надежду, что во всѣхъ краяхъ Россіи найдутся люди, которые „понимаютъ значеніе высшаго духовнаго образованія“, и потому „пожелаютъ большаго и большаго распространенія его въ нашемъ отечествѣ“, и слѣдовательно придутъ на помощь „юношеству богатому любовью къ наукѣ, но совершенно бѣдному средствами къ жизни“. Во второмъ— радуется, что „настала, наконецъ, лучшая пора“⁵¹⁾. И, повторяемъ, это не сословная и не должностная радость: это радость при видѣ того, что умножается елей для свѣта,

бы такыя и оказались, авторъ проекта не указываетъ, но замѣчаетъ только, что „нельзя-же для одного сословія губить и оставлять въ невѣжествѣ милліоны другихъ сословій, дѣтей той-же громадной семьи, жаждущихъ вкусить отраду духовнаго развитія и съ тѣмъ вмѣстѣ улучшить свой вещественный бытъ“.

⁵¹⁾ Слов. 643. Слова моск. 101—2.

который возжигаетъ церковь, а оспорить необходимость ея для свѣта—едва ли возможно будетъ и самымъ предпринчивымъ людямъ!

Наконецъ, мы замѣчали уже (гл. III и IV), что въ области правоученія у Макарія съ ранняго періода его проповѣднической дѣятельности выступаетъ замѣтнымъ образомъ одна идея, заставлявшая его сочувствовать многому въ современной ему жизни: это идея христіанской *любви*, называемая имъ „закономъ любви“. Конечно, едва ли есть слово болѣе часто повторявшееся въ христіанской исторіи и едва ли есть слово, наиболѣе злоупотреблявшееся въ теченіе этой же исторіи, — злоупотреблявшееся начиная отъ какого нибудь великаго инквизитора до ничтожнаго истязателя беззащитнаго предъ нимъ ближняго, — во имя всякаго рода блага—блага отечества, блага справедливости, блага правосудія, блага душевнаго, блага примѣра, блага „культуры“ и т. п., при чемъ существо, созданное по образу Божію вмѣнялось въ уметь, лишь бы достигалось это разнообразное благо! И объ этомъ можно сказать развѣ словами Гоголя: „не столько зла произвели безбожники, сколько лицемѣрные и даже не подготовленные проповѣдники“ этого „закона любви“. Но Макарій въ этомъ отношеніи былъ *подготовленнымъ* проповѣдникомъ, ибо постигалъ этотъ законъ не по вѣянію любителей хорошихъ словъ и не по усвоенію сантиментальныхъ взоровъ на жизнь, а по постиженію, какъ мы отчасти упоминали, богословскаго основанія этого закона. Оттого Макарій, наоборотъ, не постигалъ, кажется, блага всякаго рода мучительствъ, во имя какой бы любви ихъ не предназначали человечеству, и кто бы такое предназначеніе не пророчествовалъ: страданія ученика семинаріи, питающагося съ черепка матеріаломъ назначаемымъ для помойной ямы, для него такъ же есть зло, какъ зло, когда „вы, пользуясь своею властію, своимъ богатствомъ, своимъ положеніемъ въ обществѣ, уничтожаете бѣднаго собрата, не цѣните его способностей и трудовъ“ и т. п. То и другое одинаково нарушаетъ законъ *любви ко всѣмъ*, и потому не есть уже благо. Въ раннѣйшее время эта подготовка къ тому, что Макарій не будетъ учителемъ той любви, отъ осуществле-

нія которой ктонибудь долженъ непремѣнно стонать ³²⁾, обнаруживалась въ его догматическихъ сужденіяхъ. Чему учать таинства *вообще?* спрашивалъ Макарій. „Любви“, отвѣчалъ онъ, ибо Богъ даруетъ ихъ намъ по своей благодости. И *въ частности* „по отношенію къ ближнимъ учать взаимному единенію и братской любви“. И если кто хочетъ серьезно вдуматься, то пусть скажетъ: можетъ ли въ самомъ дѣлѣ слѣдовать иное поученіе для людей, сколько бы внѣшне между собою ни различавшихся, но приступающихъ къ единой во всякомъ смыслѣ чашѣ Крови Единаго за *всѣхъ* Страдальца? Это, какъ мы отчасти замѣчали, будетъ основою много убѣдительною для истинно вѣрующаго человека, чѣмъ ученіе о братствѣ народовъ, будто бы къ братству уже обязанныхъ помимо положительной заповѣди христіанства. Или еще примѣры: искушеніе совершено: „научимся же воздавать за великую любовь Господа взаимною любовію!“ Человѣкъ сотворенъ Богомъ и люди произошли отъ единой крови: къ чему ведетъ фактъ единства естества? Конечно, не къ тому, какъ выражался Макарій потомъ въ проповѣдяхъ, чтобы ктонибудь имѣлъ право смотрѣть на другаго, какъ на существо нисшей породы, а къ тому, что „мы должны жить какъ братья, образу одно семейство“ ³³⁾. Подобныя симъ соображенія были потомъ высказываемы и во многихъ проповѣдяхъ. Припомнимъ, что въ одной изъ виленскихъ проповѣдей защитниковъ православія Макарій учитъ, что самое православіе есть не только чистѣйшая истина въ христіанствѣ, но и совершеннѣйшая любовь и совершеннѣйшая правда (см. гл. IV) ³⁴⁾. Основываясь на этомъ незыбкомъ основаніи,

³²⁾ Кому эта возможность кажется парадоксомъ, напомнимъ ту любовь къ ближнему, которая выражается въ благомъ желаніи спасти его отъ вѣчныхъ мукъ, но отъ которой иногда цѣлая страна стонала, обливаясь кровію: средневѣковыя религіозныя войны. Примѣръ, конечно, не оригинальный, но навсегда поучительный въ смыслѣ возможности стонать даже и отъ того, что насъ любятъ

³³⁾ Догм. Богосл. III. § 50. V. стр. 62—3. Сравни. также что сказано о личной мягкости Макарія въ гл. I.

³⁴⁾ Отличіе макарьевского взгляда, какъ онъ выразился въ этой проповѣди, въ томъ, что съ понятіемъ о православіи у него не соединяется только понятіе доктринальнаго совершенства, но и нравственнаго.

когда однажды у православныхъ проявилось стремленіе къ насилію надъ людьми иноплемениными, въ глазахъ нѣкоторыхъ оправдываемое племенною ненавистію (въ свою очередь возбуждаемою, будто бы, племенными пороками насилуемыхъ) Макарій не усумнился сказать слова, могущія казаться неуважительными въ отношеніи къ собственной народности и оскорбляющими патриотизмъ (если его понимать и въ смыслѣ умолчанія о народныхъ недостаткахъ): это по поводу еврейскихъ погромовъ 1881 года о томъ, „какова должна быть наша любовь къ людямъ“. Здѣсь онъ говорилъ: „если мы любимъ только своихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ: тутъ христіанскаго еще мало. Любите всѣхъ людей безъ различія какого бы племени они ни были, какой бы вѣры ни держались, будутъ ли то христіане иныхъ неправославныхъ исповѣданій, будутъ ли то іудеи, магометане, язычники; любите самыхъ враговъ вашихъ“! Не новыя, конечно, это истины; но это и не понятія газетнаго патриотизма. И Макарій, конечно, проповѣдывалъ, что христіанинъ долженъ „отличаться совершеннѣйшею любовью къ странѣ отечественной“, и опровергалъ мысль (въ одной изъ проповѣдей сороковыхъ годовъ), будто особенная „любовь къ отечеству не совмѣстима съ любовью къ человечеству, будто люди должны *равно* любить всѣхъ своихъ собратій (по человечеству), гдѣ бы они ни родились, къ какому бы обществу политическому не принадлежали“. Но это не составляло ни противорѣчія ученію о любви ко всѣмъ, ни дѣлало Макарія похожимъ на проповѣдниковъ національной исключительности: по мысли Макарія „возможно совмѣщать въ себѣ то и другое: возможно *любить всѣхъ людей по христіански* и въ то же время любить особенно тѣхъ, кои соединены съ нами“ по отечеству³⁵). Какъ часто повто-

³⁵) Слов. 102. Ср. слов. вил. 150 — 151. гдѣ призываетъ къ любви „къ православію и къ русской народности“, и здѣсь даетъ указаніе на то, какъ ближайшимъ образомъ совмѣстима любовь ко *всѣмъ* людямъ и *особенная* къ отечеству. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь особенная любовь къ отечеству не означаетъ того, что эта любовь ко всему своему возможна съ нарушеніемъ правды ко всему чужому, а означаетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эта правда не нарушается, а равно и въ тѣхъ, гдѣ оставленіе своего *ничего больше* не выражаетъ, кромѣ желанія сравняться съ чужимъ во имя предубѣжденія противъ своего и отъ желанія подражать чужому, тамъ

ряетъ Макарій съ какой либо стороны эту заповѣдь, которую почиталъ нужнымъ повторять себѣ въ своихъ сердечныхъ помяшленіяхъ другой подобный ему ⁵⁶⁾, это показываетъ уже и простой счетъ случаевъ употребленія этого слова: ⁵⁷⁾ а вѣдь еще можно учить любви и не однимъ такъ сказать песнусканіемъ слова съ языка и повтореніемъ слова кстати и не кстати!—Особенность проповѣди Макарія о любви можно формулировать такъ: онъ не знаетъ любви безъ челоувѣколюбія. И эта формула, позволимъ себѣ настаивать, не есть ни прикрытіе тождесловія, ни притязанія съ нашей стороны на какую либо повость наблюденія. Этимъ мы хотимъ выразить, что по Макарію любовь будетъ тамъ, гдѣ получаетъ благо *человѣкъ какъ онъ есть*, челоувѣкъ дѣйствительный, а не идеальный, безъ ненужныхъ въ каждомъ данномъ случаѣ соображеній, о томъ, такъ ли челоувѣкъ долженъ быть, какъ онъ есть теперь въ своемъ земномъ существованіи ⁵⁸⁾. Высочайшее

естественный патриотизмъ прилѣпляется, а нравственный патриотизмъ одобряетъ склонность тяготѣть главнымъ образомъ къ всему родному. Обычай общественной и частной жизни, напримѣръ, одного народа безвредны; съ точки зрѣнія правды, для другаго народа; тоже и высшая область народной жизни—вѣроисповѣданіе; стало-быть, не естественно и не нравственно быть равнодушнымъ къ *своему* въ этихъ областяхъ, какъ это и въ дѣйствительности бываетъ: здоровое и правильно развитое чувство нравственное не легко отстываетъ отъ обычаевъ среды и отъ вѣры отцовъ. Въ этомъ смыслѣ, конечно, Макарій, проповѣдывавшій любовь ко всѣмъ людямъ, проповѣдывалъ особенную любовь къ православной вѣрѣ и *ко всемъ началамъ русской народности*“.

⁵⁶⁾ А. В. Горскій, Дневникъ въ Прибавлен. къ Твор. Св. Отцевъ, ч. 34, 248.

⁵⁷⁾ Напримѣръ: Слова, 1891 стр. 42, 85. 144. 408. 411. 449. 473. 475. 482, 497. 521. 588—9. 615. 669. 675—6 682. Слова вил. 4—5. 63—4. 135 150—51. Слов. москов. 4. 10—11. 2I. 36. 84. 105. 107.

⁵⁸⁾ Извѣстно, что и въ эпоху Макарія были люди, которыхъ никакъ нельзя было бы назвать врагами челоувѣчества, но которые не сочувствовали, напримѣръ, разнымъ усовершенствованіямъ въ народной жизни потому только, что дѣйствительное состояніе народа не подавало будто бы надежды на возможность дѣйствительной благотворности этихъ усовершеншій и потому, полагали, нужно, ждать наступленія иного состоянія народа. Но то обстоятельство, что пока можно будетъ облагодѣтельствовать этого идеальнаго челоувѣка, дѣйствительный челоувѣкъ страдаетъ—это какъ будто бы все равно. Думаемъ, что это лучший примѣръ любви безъ челоувѣколюбія, которое заставляетъ внимать стонамъ не различая того, отъ глупости ли челоувѣческой произошла причина этихъ стоновъ, или отъ другихъ болѣе лестныхъ для челоувѣка причинъ.

благо человѣка, безъ сомнѣнія, не въ настоящей жизни: „вѣчное счастье наше на небеси“; но безразличіе къ положенію человѣка и въ настоящей жизни не есть выраженіе челоѣколюбія, сколькобы ни казались ничтожными, по сравненію съ абсолютными, его потребности, его радости и печали: ибо теперь мы имѣемъ дѣло съ челоѣкомъ сей жизни. Отсюда любовь къ ближнимъ есть не только „и сама по себѣ великое благо“ для челоѣка, но она же „есть величайшее благо и для нашего быта житейскаго“, ибо—она не есть фактъ теоретическій,—„заключается не въ однихъ только чувствованіяхъ или благочестивыхъ намѣреніяхъ“! (Сл. 449. 85). Поэтому типичнѣйшимъ выраженіемъ Макаріева взгляда на этотъ вопросъ можетъ быть признана его проповѣдь „о содѣйствіи *счастью* ближнихъ“: доставленіе счастья челоѣку, то есть того, что потребно челоѣку для устраненія его бѣдствій на землѣ (напомнимъ приведенную выше мысль Макарія, что „большая часть нашихъ *бѣдствій на землѣ* происходитъ отъ недостатка христіанской любви“) есть дѣйствительное выраженіе любви къ нему, и всегда будетъ таковымъ, и это опять у Макарія имѣетъ соотношеніе съ мыслию о необходимости для проповѣдника прежде всего считаться съ жизнью просто, какъ она есть по волѣ Творца. Напримѣръ, въ обществѣ благоустроенномъ жизнь челоѣческая ограждается правами каждому усвоенными: нарушеніе правъ уже не есть любовь, и Макарій призываетъ выражать любовь къ челоѣку прежде всего уваженіемъ къ его правамъ. Отсюда же призывъ къ уваженію чужихъ правъ во всякой области и нисшей и высшей (ср. указанное слово о евреяхъ),—и никакой любви при благожелательномъ насиліи надъ челоѣкомъ Макарій не знаетъ. „Правда есть слѣдствіе совершеннѣйшей любви“. Поэтому для самыхъ высшихъ интересовъ та же самая любовь не терпитъ никакой неправды: таковы интересы совѣсти нашихъ ближнихъ и ихъ священнѣйшихъ убѣжденій. И должно назвать замѣчательными разсужденія Макарія о дѣлахъ того рода, гдѣ часто представляется наиболѣе соблазна ради любви къ ближнему (допуская искренность таковой) сойти съ пути правды—о дѣлахъ пропаганды истинной вѣры. „Мы называемъ нечестнымъ челоѣка, который для достиженія своихъ личныхъ выгодъ употребляетъ лишь

обманъ, хитрость, коварство, насиліе, разсуждалъ Макарій. Не можемъ назвать честнымъ и общественнаго дѣятеля, когда онъ, увлекаемый честолюбіемъ или другими страстями, приноситъ въ жертву себѣ права ближнихъ и заставляетъ ихъ терпѣть разныя притѣсненія. Какъ же назовемъ христіанина, особенно православнаго, будетъ ли онъ простой мірянинъ или пастырѣ церкви, если онъ ревнуя, повидимому, о славѣ Божіей и успѣхахъ своего исповѣданія, не устыдится дѣйствовать обманомъ (pia fraud), обольщеніемъ, насиліемъ и вообще *неправдой*? Эта неправда можетъ унижить не только дѣйствителя, но и самое дѣло, для котораго ею пользуются. Ревнуйте о славѣ Божіей, объ истинной вѣрѣ Христовой, о спасеніи ближнихъ: но помните, что православіе есть чистѣйшій свѣтъ и отнюдь не должно распространяться путями тьмы! Итакъ — правда первое выраженіе любви истинной, исключющее всякое насиліе отъ любви. „Уважать права другихъ, воздавать всѣмъ должное—это, по выраженію Макарія, есть (даже) законъ природы“, потому что нельзя же въ самомъ дѣлѣ увѣрить кого нибудь, что и тамъ есть любовь, гдѣ нѣтъ правды, и если это составляетъ непремѣнный законъ въ дѣлѣ высшаго порядка, гдѣ высота цѣли повидимому можетъ нѣсколько затлонять свойство средствъ: то отступленіе отъ правды въ дѣлахъ относительнаго (земнаго) счастія человѣка становится еще менѣе достовѣрнымъ признакомъ существованія любви. Отсюда не однократное пожеланіе отъ общества прежде всего правды какъ условія и въ то же время какъ первичнаго выраженія дѣйствительной, а не мечтательной любви. „Правда въ душахъ, правда въ словахъ, правда въ дѣлахъ“—вотъ элементы, изъ которыхъ слагается почва для дѣйствій истинной любви. Но Макарій, впрочемъ, не подстановляетъ подъ понятіе правды понятіе юридической справедливости: „правда въ дѣлахъ“ есть устраненіе всего, что могло бы „оскорбить личность нашихъ ближнихъ, повредить ихъ жизни и ихъ собственности“: а отсюда, стало быть, напимѣръ, и историческая правда порабощенія однихъ другимъ, какъ не уважающая ни личность, ни собственность—не есть правда, выражающая собою любовь. Въ иныхъ случаяхъ дѣйствительную правду Макарій называетъ „жизненной правдой“, какъ такую, которая имѣетъ осно-

ваніе въ совѣсти живаго человѣка, а не въ мертвой буквѣ закона. По причинѣ того, что любовь и правда такъ или иначе не раздѣльны, у Макарія встрѣчаются выраженія, въ которыхъ прежняя мысль о бѣдствованіи отъ недостатка любви принимаетъ новый оттѣнокъ: бѣдствія наши — отъ недостатка правды, или иначе: правда есть „главнѣйшее и самое необходимое условіе истиннаго счастья“, или еще — „справедливость содѣйствуетъ счастью“. А иногда оба понятія любви и правды онъ какъ бы соединяетъ въ одно: таково его пожеланіе, чтобы отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянамъ установлены были „по закону любви и правды“. Таково же положеніе, чтобы намъ дарованъ былъ „вмѣстѣ съ другими благами, необходимыми въ жизни, особенно духъ правды и любви, чтобы мы могли содѣйствовать счастью другъ друга на землѣ и приготовить себѣ вѣчное счастье на небесахъ“. (Слов. 482. 500).

Выраженіемъ той же мысли, что любви не можетъ быть внѣ отношеній къ дѣйствительнымъ человѣческимъ потребностямъ, служить, конечно, и то, *какія дѣйствія* у Макарія называются „дѣломъ любви“ или „дѣломъ челоѣколюбія“. Такъ онъ называетъ „христіански высокой и челоѣколюбивой мысль“ объ освобожденіи крестьянъ. Здѣсь „чѣмъ безкорыстнѣе будетъ любовь къ ближнимъ, тѣмъ челоѣчнѣе и ближе къ духу христіанства рѣшится великій вопросъ“. Но такая безкорыстная любовь, по Макарію, дѣйствительно объявится тогда, когда обнаружится забота о лучшемъ бытѣ крестьянъ — о „возможности пользоваться не только личною независимостію, но и правомъ собственности, такъ необходимымъ въ жизни, когда имъ будутъ удѣлены извѣстные участки земли“ (Слова 422). Въ противномъ случаѣ что будетъ за любовь къ народу земледѣльцу? — Какъ на дѣла челоѣколюбія Макарій смотрѣлъ и на другія реформы, какъ мы объ этомъ упоминали. При этомъ конечно, нельзя считать невозможнымъ и вопросовъ такихъ: что же челоѣколюбиваго можетъ быть, на примѣръ, въ земскихъ учрежденіяхъ и какое приложеніе здѣсь можетъ имѣть любовь, съ понятіемъ о которой всего обычнѣе соединяется представленіе о самоотверженіи исключительномъ, въ вопросахъ о хозяйствѣ какъ будто бы не имѣющимъ и приложенія? Но по Макарію, челоѣколюбива здѣсь

прежде всего самая основа учрежденія: „попеченіе о счастьи“ народа русскаго. Оно-то привело законодателя къ мысли о томъ, чтобы всѣ сословія „сами совокупными силами устроили свое общественное благо“. Стало быть, есть основаніе сказать, какъ и сказалъ Макарій: „новый законъ данъ любвию“. Практическаго же приложенія идея любви здѣсь, по разсужденію Макарія, потребуеть при необходимости соглашать оди интересы съ другими, чего сдѣлать „не въ силахъ никакой законъ, никакая вѣдѣнная власть: это въ состояніи совершить только одна истинная христіанская *любовь* къ ближнимъ“. Только она „подкрѣпитъ чувство правды противъ натисковъ самолюбія и своекорыстія“. Да и всякій необходимый въ коллективномъ дѣлѣ индивидуальный „трудъ тогда только совершается легко и усѣбно, когда одушевляется *любовію* къ тѣмъ, для кого трудимся“. Вотъ, стало быть, по мысли Макарія, сколько сторонъ требующихъ для своего осуществленія любви къ человѣку даже и въ такомъ дѣлѣ, какъ дѣло общественнаго хозяйства, и сколько могутъ вложить въ него христіанской любви тѣ, какъ выразился Макарій, „добрыя и благочестивыя души, для которыхъ любовь къ человѣчеству есть не расчетъ эгоизма, а священнѣйшая обязанность и невольное влеченіе“. И потому, понятно становится намѣреніе проповѣдника „при новомъ дѣлѣ напомнить и новую заповѣдь Спасителя нашего“ о любви и пожеланіе, чтобы „осуществилась эта новая заповѣдь при осуществленіи новаго закона о земствѣ!“ (Слов. 3, . 615—16).

Какъ вѣнецъ разсужденій Макарія объ этой новой заповѣди, хотя „для многихъ христіанъ доселѣ еще остающейся какъ бы неизвѣстною и неизвѣданною въ жизни“, можно указать на его разсужденіе о томъ, какъ относятся между собою „законъ правды и законъ любви“ какъ два момента въ совершенствованіи христіанскаго отношенія къ человѣку (здѣсь Макарій безразлично употребляетъ слова: справедливость и правда). Долгъ *справедливости* къ ближнимъ есть долгъ налагаемый на насъ самую природою. „Всѣ наши ближніе имѣютъ свои права, охраняющія ихъ личность, дѣятельность, достояніе: да будутъ же для насъ священны эти права: не нарушайте ихъ, не отнимайте ни у кого,—каждый нашъ ближній есть такой же человѣкъ, какъ и

мы "... Долгъ взаимной *любви* палагается на насъ не столько природою, сколько христіанствомъ. „Выполняя требованія справедливости, не нарушая правъ ближняго, мы можемъ, однако же, оставаться совершенно чуждыми другъ другу. Одна любовь научаетъ насъ видѣть въ ближнихъ нашихъ братьевъ... Черезъ исполненіе закона правды мы можемъ способствовать счастію ближнихъ болѣе отрицательно, не отнимая у нихъ того, что они уже имѣютъ, и предохраняя ихъ отъ тѣхъ бѣдствій, какія мы могли бы причинять имъ своею несправедливостію. Повинуясь любви, мы будемъ содѣйствовать счастію ближнихъ положительно, даруя имъ то, чего они еще не имѣютъ“. И потому „начнемъ воздавать всѣмъ должная по законамъ *справедливости и любви*“, ибо едва ли можно мечтать о подвигахъ второй, когда не можемъ оставаться на почвѣ первой, -- едва ли съумѣемъ видѣть въ нашихъ ближнихъ *братьевъ*, когда напередъ не научимся почитать въ нихъ *человѣка!*

Я думаю, что теперь наконецъ на основаніи сказаннаго есть возможность поставить вопросъ: что же? Составляетъ ли проповѣдничество Макарія одно изъ дѣйствительныхъ звѣньевъ въ цѣпи исторіи литературы проповѣднической, какъ это предсказывалъ ему Иннокентій? Или же это звѣно можетъ быть и выкинуто, и пустаго мѣста здѣсь не почувствуется, и вреда отъ отсутствія этого звѣна не окажется? Иначе—Макарій своей необширной проповѣднической дѣятельностію внесъ ли въ дѣло русскаго проповѣдничества что-либо такое, отсутствіе чего было бы не полезно для послѣдующихъ поколѣній проповѣдниковъ? Положеніе проповѣдничества Макарія и его значеніе какъ проповѣдника можетъ быть опредѣлено такимъ образомъ: имя Макарія въ исторіи русскаго проповѣдничества не будетъ включено въ каталогъ *великихъ* проповѣдниковъ; по цѣпи исторіи проповѣдничества будетъ несомнѣнно порвана, если исключимъ изъ нея имя Макарія. Уже одно то даетъ ему право на память исторіи, что на зарѣ новой жизни нашего отечества Макарій отъ имени церкви своей проповѣдью призывалъ къ безбоязненному вступленію въ область этой новой жизни, какъ область свѣта, область дѣйствительно христіанскихъ идей, призывалъ вступать безъ страха оказаться только

„прогрессистомъ“ и болѣе ничего, — вслѣдствіе чего русскій образованный человѣкъ, конечно не желающій порвать связи съ церковью, но не желающій и апологетировать все то, что противорѣчило лучшимъ пріобрѣтеніямъ христіанской культуры, но казалось какъ будто бы вполне согласнымъ съ законами христіанской любви и правды, увѣренно можетъ опереться на Макарія, а это весьма и весьма не ничтожное дѣло! При этомъ со стороны проповѣдника никогда не было заявлено требованій не осуществимыхъ, ни надеждъ несбыточныхъ. Макарій былъ проповѣдникъ хорошо знающій какъ то, что несовершенства человѣческія не устранимы до predeterminedнаго времени, такъ и то, что тѣмъ не менѣе и естественныя человѣческія свойства не представляютъ чего либо неодолимаго къ тому, чтобы, при свѣтѣ христіанскаго просвѣщенія ума и сердца, не законно было желаніе поставить человѣка на пути къ возможному для него совершенству. Этими собесѣдованіями народными, этими книжками для народа не то же ли самое мы стараемся дѣлать теперь, чего желалъ и чего чаялъ нѣкогда и Макарій? Трудно сказать, на сколько мы преемствуемъ Макарію, а также сказать, что было бы, если бы Макарій не взывалъ своими поученіями, что — отъ недостатка христіанскаго свѣта эта, ничуть не требуемая интересами вѣчнаго спасенія, жалкая духовно, и потому скорбная даже физически, окружающая насъ человѣческая жизнь. Но за именемъ Макарія по меньшей мѣрѣ останется то, что онъ былъ *однимъ* изъ другихъ, которые не только сочувствовали всему, что добро и человѣколюбиво, но и въ мѣру возможности и власти неустанно проповѣдывали объ этомъ.

В. Кипарисовъ.
